

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИТТСПИ

2024 № 3

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

ISSN: 2949-4982

2024

№ 3

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

ISSN: 2949-4982

2024

NUMBER THREE

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Члены редколлегии

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Editorial Board

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities at Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology at Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language at Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement at Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology at Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department at The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation at South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Мезенцев В. Ф., Лебедев А. В.

Советский Союз

и политические кризисы 1956 года

в Польше и Венгрии 8

ФИЛОЛОГИЯ

Авдеева Г. А., Наймушина Е. А.

Функции стилистически окрашенной лексики

в романе Е. Водолазкина «Авиатор»..... 26

Анисимова К. А., Фомина Ю. А.

Особенности выражения оценки

в туристическом дискурсе (на примере

интернет-отзывов туристов о Нижнем Тагиле) 38

Динкилякер А. Я., Чудакова Н. Г.

Трансформация прецедентных феноменов

со сферой-источником «искусство»

в заголовках шоу «Уральские пельмени» 54

Нестеренко С. А., Южанинова Е. В.

Структурно-семантическая характеристика

английского молодежного сленга 67

Парнелл Е. П.

Метафорическая модель «ЖИЗНЬ – ЭТО АРТЕФАКТ»

во французских эстрадных песнях 83

Информация для авторов..... 97

CONTENTS

HISTORY

Mezentsev V. F., Lebedev A. V.

The Soviet Union and the 1956 political crises in Poland and Hungary	8
---	---

PHILOLOGY

Avdeeva G. A., Naimushina E. A.

Functions of the stylistically expressive vocabulary in the novel «Aviator» by Vodolazkin.....	26
---	----

Anisimova K. A., Fomina Yu. A.

Features of the expression of evaluation in the tourist discourse (on example of online reviews of tourists about Nizhny Tagil).....	38
---	----

Dinkilaker A. J., Chudakova N. M.

Transformation of precedent phenomena from the source domain "art" in the headlines of the "Uralskie pelmeni"	54
---	----

Nesterenko S. A., Yuzhaninova E. V.

The structural and semantic characteristics of youth English slang.....	67
--	----

Parnell E. P.

Metaphorical model "LIFE IS AN ARTIFACT" in French pop songs.....	83
--	----

Submission Guidelines.....	97
----------------------------	----

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).084.9

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ 1956 ГОДА В ПОЛЬШЕ И ВЕНГРИИ

В. Ф. Мезенцев

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
vicmir10@gmail.com

А. В. Лебедев

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
alexandrlebedev106@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается позиция советского руководства в отношении двух стран Восточной Европы — Польши и Венгрии в условиях разворачивающихся в них в 1956 г. политических кризисов, вызванных, с одной стороны, заявленным КПСС курсом на разоблачение культа личности Сталина, а с другой — накопившимися в указанных странах проблемами социально-экономического характера, которые привели к ожесточенной борьбе внутри правящей политической элиты этих просоветских режимов. На основе анализа комплекса советских документов и иных источников можно проследить реакцию Советского Союза на динамично развивающиеся события в Польской Народной Республике (ПНР) и Венгерской Народной Республике (ВНР) весной — осенью 1956 г. Анализируются мотивы действий руководителей Кремля, этапы и особенности их решений в отношении применения различных средств стабилизации политической обстановки в этих странах. Выявляется воздействие на принятие данных решений сложного переплетения одновременно возникших внешнеполитических угроз для СССР в условиях блокового противостояния в Европе, обострения кризиса на Ближнем Востоке и противоречий внутри самого социалистического лагеря. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что реагирование советского руководства на кризисные события в двух рассматриваемых восточноевропейских странах определялось тем, насколько политическое руководство в них было способно не допустить выхода ситуации из-под контроля.

Ключевые слова: СССР, Польша, Венгрия, 1956 г., десталинизация, политический кризис.

1. Введение

Созданный после Второй мировой войны под руководством СССР блок восточноевропейских стран на протяжении второй половины 1940-х —

первой половины 1950-х гг. проделал путь от неустойчивого сообщества мало связанных между собой государств к структуре, скрепленной разнообразными политическими, экономическими и военными связями с Москвой. Перемены, которые начались в Советском Союзе после смерти Сталина, не могли не затронуть страны так называемой народной демократии. В них с разной степенью интенсивности начались реформы, вызванные целым рядом социально-экономических проблем. Роль советского фактора в направленности и содержании этих реформ чрезвычайно велика.

Актуальность темы данной статьи определяется необходимостью исследовать взаимосвязь одновременно развивающихся политических процессов в странах Восточной Европы в условиях значительной трансформации существовавших здесь после Второй мировой войны режимов под воздействием исходящих из Москвы импульсов, вызванных существенными переменами во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом курсе нового руководства КПСС. В историографии, посвященной политическим кризисам в Восточной Европе в середине 1950-х гг., на основе опубликованных за последние три десятилетия архивных документов представлена достаточно полная картина этих событий, их причин и политических последствий. Тем не менее некоторые аспекты данной темы требуют дальнейшего изучения. Одним из них является взаимовлияние параллельно развивающихся событий в нескольких странах, что затрудняло советским руководителям возможность своевременно и адекватно оценить нарастающую угрозу и принять необходимые меры для ее стабилизации. Следствием чего стало, по сути, хаотичное реагирование на события, использование военных мер вместо политических.

2. Материал и методика исследования

Основной источниковой базой для исследования стали опубликованные документы, отражающие подготовку и принятие руководством Советского Союза решений, касающихся стран Восточной Европы, в первую очередь Венгрии весной — осенью 1956 г. [Советский Союз и венгерский кризис, 1998]. Кроме этого, были использованы материалы периодической печати, заявления и документы политического руководства СССР, ПНР и ВНР, тексты международных соглашений и другие источники.

На основе анализа содержания выступлений, дискуссий среди партийного и государственного руководства этих стран с использованием историко-сравнительного и проблемного методов выявлены мотивы и обстоятельства принятия решений руководством СССР в ходе реагирования на разворачивающиеся параллельно в Венгрии и Польше политические кризисы.

3. Анализ

События 1956 года в Польше и Венгрии, вызванные десталинизацией, обозначили поворотный момент в отношениях СССР со странами народной

демократии. XX съезд КПСС, на котором Н. С. Хрущев осудил культ личности Сталина, стал катализатором этих событий.

Доклад Н. С. Хрущева с осуждением культа личности Сталина вызвал в странах социалистического лагеря неоднозначную реакцию. В Польской Народной Республике его содержание стало предметом широкой дискуссии, охватившей все сферы общественной жизни — от партийного руководства до промышленных предприятий [Польша в XX веке, 1998, с. 630]. Свободное обсуждение проблем, поднятых в докладе, привело к обострению конфликта между сторонниками реформ и консервативными силами в высших эшелонах Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) [Орехов, 2008, с. 460], что усугубило кризис в партийной номенклатуре и, как следствие, отразилось на общественных настроениях в Польше.

В период проведения XX съезда КПСС в Москве лидер ПОРП Б. Берут заболел, что вынудило польскую делегацию вернуться в Польшу без него. В его отсутствие, 3–4 марта 1956 г., состоялся пленум ЦК ПОРП, носивший неофициальный характер. На пленуме Я. Бармен, Ю. Циранкевич, А. Завадский и Е. М. Моравский представили отчет о выступлении Н. С. Хрущева, посвященном десталинизации. Необходимость преодоления культа личности во всех сферах общественной жизни не подвергалась сомнению. Несмотря на то что отчет вызвал многочисленные вопросы и опасения, он открыл возможность для реформирования польского коммунизма, восстановления связей с идеологическими основами, нарушенными после III пленума ЦК ПОРП [Kemp-Welch, 2008, p. 70].

Смерть Б. Берута в Москве 12 марта 1956 г. повлекла за собой перемены в руководстве ПОРП. Э. Охаб занял пост первого секретаря. А. М. Орехов предполагает, что выбор Э. Охаба был обусловлен его центристской позицией, отсутствием принадлежности к противоборствующим группировкам в ЦК ПОРП и неприязнностью к высоким постам в иерархии партии [Орехов, 2005, с. 79]. Следует обратить внимание на то, что именно Э. Охаб добился решения о предоставлении широкому кругу партийных активистов доступа к секретному докладу Н. С. Хрущева [Польша в XX веке, 2012, с. 631].

Десталинизация, ранее являвшаяся преимущественно партийным процессом, вышла за рамки узкого круга партийных лидеров. Публичное признание СССР своих прошлых ошибок дало толчок к оживлению дискуссий о модели управления Польшей и уровне ее независимости, с которым СССР был готов считаться. Инициатива дальнейших реформ перешла к рабочим, профсоюзам и общественности. Академические и интеллектуальные круги активно участвовали в организации и освещении дебатов о недавних событиях и нарушениях прав человека, совершенных режимом. Журнал *Nowa Kultura*, издаваемый Союзом польских писателей, одним из первых подверг критике политику творческого сообщества в прошлом. В его публикациях поднимались вопросы о заключении в тюрьму членов Армии Крайовой и

искажениях в новейшей истории [Польша в XX веке, 2012, с. 631]. Журнал *Po prostu* публиковал статьи, затрагивающие различные спорные темы [Prazmowska, 2010. p. 182].

Доклад Н. С. Хрущева спровоцировал обсуждение вопроса о необходимости смены высшего партийного руководства. Многие общественные деятели, в том числе члены региональных партийных организаций, выражали недоверие к существующему руководству, упрекая его в отрыве от партийной базы и народных интересов [Орехов, 2005, с. 72]. Эти обвинения подчеркивали глубокий кризис доверия к партийному истеблишменту, порожденный провалами сталинского режима и попытками скрыть истинные масштабы преступлений репрессивной системы.

Попытка сделать доклад Хрущева конфиденциальным оказалась безуспешной. Многие лидеры оппозиционных партий уже успели ознакомиться с его содержанием — данный факт подчеркнул неэффективность механизмов контроля и цензуры [Kemp-Welch, 2008, p. 79] и свидетельствовал о растущем недоверии к информационной политике власти, а также о развитии неформальных каналов информации.

Общественный резонанс, вызванный докладом Хрущева, отразился в массовом характере публикаций и дискуссий в средствах массовой информации. Газеты, радио и даже пропагандистские учреждения превратились в площадки для открытого обсуждения, что говорило о повышенном общественном интересе к темам, касающимся политики и идеологии. Важным показателем активности общественности стал поток писем с мнениями и требованиями, поступившими в разные органы. Лавинообразный характер этого феномена подчеркивает значительное увеличение политической активности граждан, что свидетельствует о глубоком влиянии XX съезда КПСС на общественное мнение.

В контексте кризиса партийной номенклатуры, внутрипартийной борьбы и общественных протестов в Польше освобождение В. Гомулки из-под ареста вызвало значительный резонанс. Несмотря на то что обвинения в правом уклоне, выдвинутые против бывшего лидера Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), оставались в силе [Охаб, 1956, с. 2–3], все чаще звучали призывы к замене Э. Охаба на В. Гомулку, известного своими идеями «польского пути к социализму».

Перемены в политической жизни страны, свидетельствовавшие об активизации части польского общества, не сопровождались улучшением экономической ситуации. Напротив, население, особенно в городских центрах, было недовольно материальным положением. Кумулятивное воздействие политического и экономического неблагополучия привело к массовым протестам в Познани — одном из крупнейших промышленных и культурных центров Польши. Эти события, известные как Познанское восстание, стали ярким проявлением общественного недовольства и отразили нестабиль-

ность в стране, связанную с неудовлетворенными ожиданиями от политических перемен и усугубляющимися экономическими проблемами. Неудовлетворительная политика материального вознаграждения на вагоноремонтном заводе привела к росту недовольства среди рабочих. Несмотря на осведомленность государственных и партийных властей о потенциальной эскалации конфликта, меры по его урегулированию не были приняты. Протестное движение набрало обороты, выражаясь в митингах, кратковременных прерываниях работы и распространении антиправительственных лозунгов.

Кульминацией конфликта стала полная остановка производства 21 июня с выдвижением социально-экономических требований. Встреча рабочих с главой польских профсоюзов В. Кloseвичем 22 июня прошла в атмосфере напряженности и агрессии, что свидетельствовало о готовности рабочих к дальнейшей эскалации конфликта и переходу к более решительным действиям [Польша в XX веке, 2012, с. 633].

Делегация рабочих вагоноремонтного завода в Познани, прибывшая в Варшаву 26 июня, пыталась урегулировать с властями конфликт, вызванный тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Представители завода вели переговоры с представителями профсоюза машиностроителей, а затем их требования были рассмотрены на совещании с участием министра, представителей профсоюза металлистов и ЦК ПОРП [Kemp-Welch, 2008, p. 86]. Несмотря на первичные заверения о том, что недостатки будут устранены, премьер-министр Ю. Циранкевич отклонил большую часть просьб представителей Познани, ссылаясь на тяжелое финансовое положение страны [Sasanka, 2017].

28 июня 1956 г. в Познани произошла резкая эскалация общественного протеста. Утром многотысячная толпа рабочих собралась у заводских ворот и направилась в центр города, к зданиям органов власти. Демонстрация сопровождалась не только экономическими лозунгами о снижении цен и повышении заработной платы, но и политическими требованиями, включая антирусские и антисоветские выкрики. Численность участников протеста быстро росла, достигнув 10 тыс. человек и увеличившись до 50 тыс. к полудню. Демонстрация превратилась в мощный общественный протест, свидетельствовавший о глубоком недовольстве населения политикой властей и о нарастающей антисоветской настроенности [Орехов, 2005, с. 121–123].

Многотысячная демонстрация, вызванная недовольством населения социально-экономической политикой властей, переросла в массовые беспорядки. На фоне бездействия местной власти и распространившихся слухов об аресте делегатов из Познани толпа захватила тюрьму и завладела оружием, которое было роздано в том числе и несовершеннолетним. Произошли погромы и захват зданий. У здания воеводского управления безопасности началась перестрелка, приведшая к гибели 57 человек и сотням раненых.

Беспорядки были подавлены прибывшими регулярными частями Войска польского [Польша в XX веке, 2012, с. 634].

Познанское восстание значительно повлияло на повестку дня VII пленума ЦК ПОРП, состоявшегося в июле 1956 г. Пленум привлек пристальное внимание общественности, так как обсуждал не только внутривластные и экономические проблемы, но и возможность реабилитации В. Гомулки и его возвращения в политику, а также беспорядки в Познани [Польша в XX веке, 2012, с. 634].

В то же время руководство КПСС расценило события в Познани как еще один пример подрывной деятельности стран Запада против социалистического лагеря. В постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствиях» от 30 июня 1956 г. было специально отмечено, что «антинародные выступления в Познани» были оплачены из источника, созданного США для подрывной деятельности против стран народной демократии. Участники событий в Познани были названы «provокаторами и диверсантами» [О преодолении культа личности, 1956, с. 29–30].

VII пленум ЦК ПОРП, состоявшийся в июле 1956 года, был посвящен анализу политической и экономической ситуации в Польше, с особым акцентом на июньских событиях в Познани. Первый секретарь Э. Охав признал недостатки в работе государства по решению социальных проблем и слабость партийного руководства, что, по его мнению, позволило «смутьянам» и «контрреволюционному подполью» спровоцировать беспорядки. Эта оценка отличалась от первоначальной версии о зарубежном вмешательстве и оценки, данной этим событиям в Москве, что свидетельствует о попытке властей переосмыслить причины восстания.

Дискуссии на пленуме усилили напряженность в обществе. Негативную реакцию вызвало заявление главы советской делегации Н. А. Булганина, который возложил ответственность за познанские события на «вражеских агентов» [Булганин, 1956]. Это было воспринято как вмешательство во внутренние дела Польши и усилило антисоветские настроения. Пленум, вопреки позиции советского руководства, заявил, что «все тенденции, направленные к тому, чтобы воспрепятствовать демократизации, в связи с познанскими событиями, были бы ошибочными и вредными» [Сыроп, 1961, с. 69]. По сути, пленум зафиксировал временный компромисс двух линий в польском коммунистическом руководстве, борьба между которыми вновь развернулась осенью того же года.

На фоне усиливающихся антисоветских настроений в Польше, руководство ПОРП инициировало пересмотр отношений с СССР. В начале сентября 1956 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП была поднята «угольная проблема», связанная с невыгодными поставками угля в СССР в 1946–1953 гг. 11 сентября Э. Охав обсудил с А. И. Микояном вопросы о советских советниках в органах общественной безопасности и о пересмотре цен на

уголь. Было решено дополнительно изучить проблему с углем. Вопрос о советниках был отложен [Орехов, 2005, с. 151–152].

Однако в октябре 1956 г. политический кризис в Польше резко обострился. На заседаниях Политбюро ЦК ПОРП 2, 8 и 10 октября обсуждались критическая политическая ситуация, недоверие к руководству, антисоветские настроения и «контрреволюционные теории». Та часть ПОРП, которая опасалась дальнейшего развертывания реформ, оценивала ситуацию как противостояние двух позиций: ориентированной на западную демократию и ориентированной на социалистическую демократию. На деле речь шла о решении вопросов, которые затрагивали отношение к социально-экономическому курсу прежнего руководства и отношения с СССР. Разногласия возникли по вопросам «угольной проблемы», гражданства советских генералов в Войске польском и вмешательства советского посла П. К. Пономаренко во внутренние дела Польши [Польша в XX веке, 2012, с. 639].

12 октября Э. Охаб выступил с призывом к борьбе с антисоветскими настроениями, подчеркнув фундаментальный характер отношений с СССР. Однако В. Гомулка, приглашенный на заседание Политбюро ПОРП, обозначил актуальные проблемы экономики и аграрной политики, призывая признать ошибки в строительстве социализма.

15 октября на решающем заседании Политбюро было принято решение о возвращении В. Гомулки в его состав, что свидетельствует о перемене расстановки сил в высшем руководстве в пользу реформаторов.

17 октября прошло ключевое заседание в процессе подготовки VIII пленума ЦК ПОРП. Проект доклада Э. Охаба и его проект постановления пленума были отклонены из-за несоответствия актуальным задачам партии. На фоне этой критики Э. Охаб подал в отставку, признав неспособность консолидировать партию.

Члены Политбюро поддерживали возвращение В. Гомулки на пост первого секретаря и обсудили изменения в составе руководства, исключив непопулярных деятелей. Они также приняли решение о кооптации Гомулки и его соратников в ЦК ПОРП на первом заседании VIII пленума. Эти действия должны были способствовать изменению баланса сил в пользу сторонников демократизации и реформ [Орехов, 2005, с. 168–169].

Советским руководством события в Польше были расценены как чрезвычайно опасные. В Польшу была отправлена делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым.

Переговоры между лидерами ПОРП и делегацией КПСС в Бельведере 19 октября 1956 г. стали ключевым моментом польского кризиса. СССР, стремясь предотвратить смену руководства ПОРП, прибегнул к силовому давлению, направив танки к Варшаве. Однако надежда на лояльность польского генералитета не оправдалась. Генералитет оказался расколотым. Некоторые офицеры, связанные с СССР, планировали нейтрализацию поль-

ского руководства [Gluchowski, 1997]. Однако другие генералы организовали противодействие советским войскам и подготовили оборону Варшавы. В случае необходимости предусматривался даже арест советской делегации.

Под давлением со стороны СССР польское руководство решило действовать в соответствии с ситуацией. Был создан гражданский штаб во главе со С. Сташевским, для того чтобы обеспечить поддержку военных гражданским населением. Варшава оказалась на грани военного конфликта, но в итоге создавшаяся ситуация заставила советское руководство пересмотреть свою тактику [Польша в XX веке, 2012].

На фоне разворачивавшегося кризиса вокруг Польши советское руководство первоначально не придавало значение драматически развивающимся событиям в Венгрии.

После XX съезда КПСС, на котором Н. С. Хрущев подверг критике Сталина, центральное руководство Венгерской партии трудящихся (ВПТ) провело заседание. На нем было принято решение распространить информацию о докладе Хрущева среди партийного актива. Целью этого шага было ускорение процесса преодоления культа личности, который уже был объектом критики в Венгрии, но не был полностью элиминирован [Орехов, 1997, с. 130–156].

XX съезд КПСС, ознаменовавшийся разоблачением культа личности Сталина, спровоцировал внутрипартийный кризис в ВПТ. Критика сталинского режима, ранее считавшаяся невозможной, вызвала раскол в рядах партии, обнажив противоречия между консервативными и либеральными фракциями.

Кризис внутри партийной номенклатуры ВПТ в 1956 году был обусловлен комплексом факторов, усугубивших существующие внутрипартийные противоречия. Так, дело М. Фаркаша, скомпрометированного участием в «деле Райка», пошатнуло авторитет партийного руководства. В беседе с советским послом Ю. В. Андроповым Председатель Совета министров ВНР А. Хегедюш выразил сомнение в том, что первый секретарь ЦР ВПТ М. Ракоши сможет справиться с назревшими задачами партии и государства [Советский Союз и венгерский кризис, с. 67–68].

Внутри партийного руководства ВПТ выражалось недовольство узурпацией власти М. Ракоши, применявшим метод «разделяй и властвуй», что препятствовало формированию коллективного руководства и усиливало внутрипартийные противоречия [Советский Союз и венгерский кризис, с. 83–85].

Также реабилитация Л. Райка вызвала острый резонанс в партийных кругах, послужив катализатором для требований об установлении ответственности за смерть Райка и обвинений в адрес М. Ракоши в прямом уча-

стии в репрессиях [Советский Союз и венгерский кризис, с. 51–54]. Требования об отстранении М. Ракоши от руководства ВПТ все чаще звучали на партийных собраниях городских комитетов.

На протяжении лета и начала осени 1956 г. в Венгрии наблюдалось углубление общественно-политического кризиса, о чем свидетельствовали беседы советских представителей с членами венгерского государственного и партийного руководства. А. Хегедюш, занимавший пост главы правительства ВНР, отмечал, что кризис усугубляется деятельностью «враждебных элементов», стремящихся распространить недовольство среди широких масс [Советский Союз и венгерский кризис, с. 118–124].

Советские представители внимательно наблюдали за происходившими событиями, особое внимание уделяя позициям интеллигенции. Так, было обращено внимание на собрание молодой интеллигенции и журналистов в кружке Петефи 26 июня 1956 г., где прозвучала острая критика действующего руководства ВПТ. Участники встречи выдвинули требования демократизации политической системы, включая реабилитацию невинно осужденных, в частности Л. Райка, и введение в Политбюро И. Надя [Советский Союз и венгерский кризис, с. 124–127].

Июльские решения ЦР ВПТ, направленные на улучшение внутривнутриполитической ситуации, временно стабилизировали обстановку в Венгрии. Об этом свидетельствуют беседы Э. Герё и Б. Кирая с Ю. В. Андроповым и А. А. Ковалевым, в них венгерские политические деятели отмечали одобрение решений пленума и улучшение внутривнутриполитической обстановки [Советский Союз и венгерский кризис, с. 215–217]. Однако Ю. В. Андропов в своем отчете в Москву указал на сохраняющуюся сложность ситуации в Венгрии, отметив незначительные результаты в стабилизации власти [Советский Союз и венгерский кризис, с. 217–219].

Несмотря на проведенные мероприятия по демократизации управления государством, включая расширение самостоятельности местных советов и реабилитацию незаконно арестованных, авторитет института государственной власти оставался в шатком положении [Советский Союз и венгерский кризис, с. 240–254].

В конце августа — начале сентября 1956 г. в Венгрии произошло резкое ухудшение ситуации, обусловленное углублением внутривнутриполитического кризиса и активизацией антимарксистских сил.

В Политбюро ВПТ обострились разногласия, а сопротивление со стороны писателей и журналистов некоторым мероприятиям дестабилизировало обстановку в стране. В публичных выступлениях научных деятелей Венгрии наблюдалась новая волна антимарксистской пропаганды [Советский Союз и венгерский кризис, с. 254–268]. В этих условиях фигура И. Надя, исключенного из партии за «правую политику», приобрела особое значение. На фоне углубляющегося кризиса между обществом и правящей элитой он стал олицетворением «венгерского пути к социализму».

Точная дата начала событий Будапештской осени 1956 г. является предметом дискуссий среди историков. Большинство исследователей считают началом событий 23 октября, когда в ряде венгерских городов прошли массовые демонстрации, о которых сообщила венгерская газета «Сабад неп». В публикации отмечалось участие студентов из Будапешта, Сегеда и Печа, представителей различных факультетов: физики, филологии, юриспруденции и искусствоведения [Советский Союз и венгерский кризис, с. 343–348].

В телеграмме от 23 октября Ю. В. Андропов уведомил МИД СССР о нарастающем политическом кризисе в Венгрии. Он отметил усиление антиправительственных выступлений, распространение антисоветских слухов в Будапеште и восхищение венгерских газет борьбой Польши за суверенитет и независимость [Советский Союз и венгерский кризис, с. 339–342].

Советский посол, сообщая о событиях в Венгрии, обратил внимание на то, что в ходе одного из студенческих собраний был поднят вопрос о выводе советских войск, что сигнализировало о резком обострении политической ситуации и угрозе ослабления влияния СССР на Венгрию [Советский Союз и венгерский кризис, с. 343].

23 октября 1956 г. Министерство внутренних дел ВНР запретило уличные шествия и демонстрации. Однако этот запрет был отменен в течение дня под давлением общественности, в том числе редколлегии газеты «Сабад неп», Союза писателей и Союза трудящейся молодежи. В этот же день главное полицейское управление Будапешта издало приказ о запрете стрельбы по демонстрантам, что свидетельствует о серьезности ситуации.

После получения сообщения Ю. В. Андропова 23 октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС провел экстренное заседание, на котором большинство членов высказались за ввод войск в Будапешт.

24 октября состоялось заседание представителей коммунистических партий СССР, ГДР, Чехословакии, Румынии и Болгарии [Стыкалин, 2003, с. 122], посвященное обсуждению ситуации в Польше. Э. Герё, лидер Венгрии, не смог присутствовать на заседании, мотивируя свое отсутствие обострением политической обстановки в Венгрии.

Запись совещания членов Президиума ЦК КПСС и представителей компартий ряда социалистических стран, выполненная Я. Свободой, помощником чехословацкого партийного лидера А. Новотного, дает представление о ходе обсуждения ситуации в Венгрии. Согласно этой записи, ввод советских войск на территорию Венгрии 24 октября 1956 г. не был осуществлен из-за отсутствия письменной просьбы о военной помощи со стороны правительства ВНР [Советский Союз и венгерский кризис, с. 359–366]. В качестве меры поддержки венгерского правительства было решено задействовать уже находящиеся на территории Венгрии советские военные части в соответствии с положениями ч. IV ст. 22 п. 1 Парижского договора [Договор, 1947].

Важно отметить, что советские войска пересекли советско-венгерскую границу и вошли на территорию Венгрии в 2 часа 15 мин. 24 октября 1956 г. [Советский Союз и венгерский кризис, с. 368–369].

Пленум ЦК ВПТ 24 октября принял решение о перестановках в высших партийных органах: И. Надь был назначен председателем Совета министров ВНР, А. Хегедюш стал его заместителем. Э. Герё остался на посту первого секретаря Венгерской партии трудящихся. Политбюро ЦК ВПТ возложило контроль за деятельностью газеты «Сабад неп» на Й. Реваи. Вопрос о смене руководства венгерского радио оставался нерешенным. После 17:00 23 октября группа оппозиционно настроенной молодежи начала штурм радиостанции, что переросло в вооруженное восстание [Советский Союз и венгерский кризис, с. 352].

Сложность и хаотичность обсуждения положения в Венгрии демонстрируют обстоятельства создания и передачи просьбы венгерского руководства о военной помощи со стороны СССР. Согласно доступным источникам, 23 октября 1956 г. Ю. В. Андропов обратился к И. Надю с просьбой подписать обращение Совета министров ВНР к советскому правительству о предоставлении военной помощи в виде дополнительных вооруженных сил [Советский Союз и венгерский кризис, с. 446–447]. И. Надь отказался, ссылаясь на отсутствие полномочий, так как на тот момент он еще не занимал должность главы правительства.

28 октября Ю. В. Андропов передал в МИД СССР письменную просьбу венгерского правительства о военной помощи, составленную якобы 23 октября и подписанную А. Хегедюшем задним числом (как выясняется, сделал он это только 26 октября).

Таким образом, просьба о военной помощи обрела юридическую силу 26 октября, когда ее подписал А. Хегедюш. Однако к этому моменту он уже не занимал пост главы правительства. С 24 октября эту должность занимал И. Надь, который не подписывал просьбу о предоставлении Венгрии дополнительных вооруженных сил СССР [Советский Союз и венгерский кризис, с. 477].

Анализ доступных источников указывает на то, что И. Надь, занимая пост главы правительства Венгрии, не был осведомлен о пересечении советскими войсками государственной границы Венгрии. Об этом свидетельствует выраженное И. Надем Ю. В. Андропову через министра иностранных дел ВНР И. Хорвата недовольство: «Мы не так договаривались по данному вопросу» [Советский Союз и венгерский кризис, с. 457].

Вероятнее всего, И. Надь имел в виду, что правительство Венгрии первоначально обращалось за помощью к советским военным частям, которые уже находились на территории ВНР. Данное предположение подтверждается заявлением Д. Т. Шепилова на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 ноября 1956 г., где он зачитал текст телеграммы Ю. В. Андропова, содер-

жащей просьбу венгерского правительства о военной помощи. Однако подпись под документом не была озвучена, что позволяет предположить, что текст телеграммы был отредактирован или искажен [Советский Союз и венгерский кризис, с. 447].

Ключевым требованием Венгерского восстания 1956 г. был вывод советских войск с территории страны [Советский Союз и венгерский кризис, с. 387]. Об этом свидетельствуют многочисленные документальные источники, в том числе телеграмма Ю. Андропова от 23 октября 1956 г., где он упоминает о распространении антисоветских настроений среди студенчества, сопровождающихся требованиями о выводе советских войск [Советский Союз и венгерский кризис, с. 343–348].

Фоном, на котором обсуждались в Москве возможные действия в отношении Венгрии, стали события на Ближнем Востоке, где разворачивался Суэцкий кризис, который создал впечатление у московских руководителей, что все эти события скоординированы и несут прямую угрозу безопасности [Kramer, 1998, p. 191]

Письмо И. Надя К. Е. Ворошилову от 23 октября 1956 г. также отражает желание венгерского правительства начать переговоры о выводе советских войск, упомянутых в Декларации Союза ССР от 30 октября [Советский Союз и венгерский кризис, с. 463–464].

Однако, несмотря на утверждения Декларации о просьбе венгерского правительства о вводе войск, документальное подтверждение официального запроса о военной помощи в письменной форме отсутствует.

Анализ доступных источников указывает на то, что действия советского правительства в отношении Венгрии в 1956 г. не нашли международного признания и были восприняты как нарушение международного права. Вероятно, данный факт сыграл значимую роль в решении И. Надя денонсировать Варшавский договор и объявить о нейтралитете Венгрии [Советский Союз и венгерский кризис, с. 498–499].

Несмотря на протест правительства ВНР, советские войска продолжали пересекать советско-венгерскую границу [Советский Союз и венгерский кризис, с. 499–501], что вызвало ноту протеста со стороны венгерского правительства [Советский Союз и венгерский кризис, с. 501].

В своем радиообращении 1 ноября 1956 г. И. Надь объявил о национальной независимости Венгрии [Советский Союз и венгерский кризис, с. 501–502]. В этот же день Я. Кадар, первый секретарь ВПТ, в своем радио-выступлении подтвердил независимость страны, однако объявил о роспуске ВПТ и создании новой политической организации — Венгерской социалистической партии рабочих [Советский Союз и венгерский кризис, с. 502–505].

Анализ источников свидетельствует о том, что советское руководство не отреагировало на ноту протеста венгерского правительства. Это может

указывать на осознание советской стороной неправомерности своих действий, а также на стремление сохранить контроль над Венгрией, несмотря на потенциальную угрозу для целостности «социалистического лагеря».

Действия советского правительства в отношении Венгрии противоречили ст. 8 Варшавского договора [Договор, 1955], которая предусматривает взаимодействие между странами-участниками на основе уважения их независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Несмотря на резолюцию ООН [Генеральная Ассамблея, 1956], призывающую к прекращению ввода войск на территорию Венгрии, советское правительство проигнорировало ее требования, что подтверждает его стремление к сохранению контроля над Венгрией.

4. Заключение

Таким образом, в 1956 г. Советский Союз столкнулся с проявлениями острого политического кризиса в странах Восточной Европы, стимулом которого стал новый курс руководства КПСС, связанный с осуждением культа личности Сталина. Провозглашенные в Москве призывы к обновлению вызвали результаты, не ожидаемые советским руководством. Наиболее серьезные последствия этого нового курса наблюдались в Венгрии и Польше. В обоих случаях Москва стремилась сохранить контроль, используя различные методы.

В Венгрии, где движение за обновление приняло форму вооруженного восстания и угрожало выходу страны из социалистического блока, СССР применил военную силу, введя войск в Будапешт. Это привело к значительным жертвам и международному осуждению.

В Польше, благодаря более гибкой политике руководства ПОРП, СССР ограничился давлением и угрозами, избегая прямого военного вмешательства. Польское руководство во главе с В. Гомулкой провело ряд реформ, смягчающих экономическую и политическую ситуацию, что предотвратило масштабные выступления. Однако эти реформы не ослабили советский контроль над Польшей и были частично отменены в последующие годы.

Различия в подходах Советского Союза к подавлению народных волнений в Польше и Венгрии в 1956 г. были обусловлены характером требований протестующих и степенью угрозы советскому контролю.

В Польше требования реформ были направлены на десталинизацию и получение большей автономии в рамках Варшавского договора. В ответ на эти требования СССР пошел на ряд уступок, проведя кадровую чистку в руководстве ПОРП и предприняв некоторые шаги к либерализации.

Однако в Венгрии ситуация была более радикальной. Народные требования выходили за рамки десталинизации, затрагивая вопросы суверенитета и выхода из Варшавского договора. Эти требования представляли прямую угрозу советскому господству в стране. В результате СССР отказался от компромисса и применил военную силу для подавления восстания.

Таким образом, реакция СССР на события в Польше и Венгрии продемонстрировала его готовность использовать как уступки, так и силу в зависимости от степени угрозы его контролю над странами Восточной Европы.

Список литературы

Булганин, Н. А. Торжественное заседание в Варшаве, посвященное национальному празднику — Дню возрождения Польши. Речь товарища Н. А. Булганина / Н. А. Булганин. — Текст : электронный // Правда. — 1956. — 22 июля (№ 204). — С. 2–3. — URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1956_204-10407 (дата обращения: 08.09.2024).

Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция от 4 ноября 1956 года № 1004 (ES-II) / Объединенные Нации : цифровая библиотека. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112089> (дата обращения: 15.09.2024). — Текст : электронный.

Договор, 1947. Мирный договор с Венгрией. Париж. 10 февраля 1947 года // Электронная библиотека исторических документов. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136173-mirnyy-dogovor-s-vengriye-parizh-10-fevralya-1947-goda> (дата обращения: 21.09.2024). — Текст : электронный.

Договор, 1955. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Варшава, 14 мая 1955 г. Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 25 мая 1955 года. Ратификационная грамота СССР депонирована Правительству Польской Народной Республики 1 июня 1955 года. Договор вступил в силу 4 июня 1955 года // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории: сайт. — URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0013_war&object=translation&l=ru (дата обращения: 15.09.2024). — Текст : электронный.

О преодолении культа личности и его последствий. Постановление Центрального комитета КПСС. Москва : Издательство политической литературы, 1956. — 56 с. — Текст : непосредственный.

Орехов, А. М. К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) / А. М. Орехов. — Текст : непосредственный // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. — Москва : Институт славяноведения и балканистики, 1997. — С. 130–156.

Орехов, А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений / А. М. Орехов ; Рос. акад. наук, Ин-т

славяноведения. — Москва : Индрик, 2005. — 327 с. — Текст : непосредственный.

Орехов, А. М. Беседы под сводами Бельведера: (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.) / А. М. Орехов. — Текст : непосредственный // Славянский альманах: сборник. — Москва : Индрик, 2008. — С. 460–509.

Охаб, Э. Итоги XX съезда КПСС и задачи Польской объединенной рабочей партии / Э. Охаб // Правда. — 1956. — 10 апр. (№ 101). — С. 2–3. — URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1956_101-10471 (дата обращения: 26.09.2024). — Текст : электронный.

Польша в XX веке : очерки политической истории / М. А. Крисань, М. А. Булахтин, Г. Ф. Матвеев [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Носкова ; РАН, Ин-т славяноведения. — Москва : Индрик, 2012. — 949 с. — Текст : непосредственный.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года : документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова [и др.] ; вступ. ст. и науч. коммент. В. Т. Середы, А. С. Стыкалиной ; редкол.: Т. М. Исламов (отв. ред.), И. Вида (отв. ред.) [и др.] ; РАН Ин-т славяноведения, Венгерская АН, Ин-т истории [и др.]. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 863 с. — Текст : непосредственный.

Стыкалин, А. С. Прерванная революция : Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы : монография / А. С. Стыкалин ; РАН, Ин-т славяноведения ; отв. ред. В. Т. Середя. — Москва : Новый хронограф, 2003. — 320 с. — Текст : непосредственный.

Сыроп, К. Весна в октябре. Польская революция 1956 года / К. Сыроп ; пер. с англ. Ю. Большухина. — Нью-Йорк : Издательство Фредерик А. Прегер, 1961. — 218 с. — Текст : непосредственный.

Gluchowski, L. The Soviet-Polish Confrontation of October 1956 : The Situation in the Polish Internal Security Corps. Woodrow Wilson international center for scholars / L. Gluchowski // Working Paper No. 17. — Washington, D.C. 1997. — Текст : непосредственный.

Kemp-Welch, A. Poland under communism : a cold war history / A. Kemp-Welch. — Cambridge: Cambridge university press, 2008. — 444 p. — Текст : непосредственный.

Kramer, M. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings / M. Kramer. — Текст : непосредственный // Journal of Contemporary History. — Vol. 33, No. 2. (Apr., 1998). — P. 163–214.

Prazmowska, A. Poland: A Modern History / A. Prazmowska. — New York and London : LB. Tauris, 2010. — 306 p. — Текст : непосредственный.

Sasanka, P. Poznański Czerwiec i rok 1956 – historia i pamięć po sześćdziesięciu latach / P. Sasanka. — Текст : непосредственный // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka. — 2017. — Vol. 29 (49). — P. 41–54.

Получена: 04.08.2024

Принята: 17.09.2024

THE SOVIET UNION AND THE 1956 POLITICAL CRISES IN POLAND AND HUNGARY

V. F. Mezentsev

Russian State Vocational and Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
vicmir10@gmail.com

A. V. Lebedev

Russian State Vocational and Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
alexandrlebedev106@gmail.com

Abstract. The article deals with the position of the Soviet leadership in relation to two countries of Eastern Europe - Poland and Hungary in the conditions of political crises unfolding in these countries in 1956, caused, on the one hand, by the CPSU's declared course to expose Stalin's personality cult, on the other hand, by the accumulated problems of socio-economic nature in these countries themselves, which led to a fierce struggle within the ruling political elite of these pro-Soviet regimes. Based on a set of Soviet documents and other sources, the reaction of the Soviet Union to the dynamically developing events in the PPR and HPR in the spring and fall of 1956 is traced. The motives of the Kremlin leaders' actions, stages and peculiarities of their decisions regarding the use of various means of stabilizing the political situation in these countries are analysed. The authors reveal the impact on the adoption of these decisions of the complex intertwining of simultaneously emerged foreign policy threats to the USSR in the conditions of bloc confrontation in Europe, the aggravation of the crisis in the Middle East and the contradictions within the socialist camp itself. Based on the study, the authors conclude that the Soviet leadership's response to the crisis events in the two East European countries under consideration was determined by the extent to which the political leadership in them was able to prevent the situation from getting out of control.

Keywords: USSR, Poland, Hungary, 1956, de-Stalinization, political crisis.

References

Bulganin, N. A. (1956). Torzhestvennoe zasedanie v Varshave, posvjashhennoe nacional'nomu prazdniku — Dnju vozrozhdenija Pol'shi. Rech' tovarishha N. A. Bulganina [Ceremonial meeting in Warsaw dedicated to the national holiday - the Day of Rebirth of Poland. Speech by Comrade N. A. Bulganin]. Retrieved from: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1956_204-10407

General'naja Assambleja OON. (1956). *UN General Assembly. Resolution of 4 November 1956 No. 1004 (ES-II)*. Retrieved from: <https://digitallibrary.un.org/record/112089>

Peace Treaty with Hungary. Paris. February 10, 1947. Retrieved from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136173-mirnyy-dogovor-s-vengriyeparizh-10-fevralya-1947-goda>

Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the People's Republic of Albania, the People's Republic of Bulgaria, the Hungarian People's Republic, the German Democratic Republic, the Polish People's Republic, the Romanian People's Republic, the Union of Soviet Socialist Republics and the Czechoslovak Republic. Warsaw, May 14, 1955. Ratified by the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on May 25, 1955. The USSR's instrument of ratification was deposited with the Government of the Polish People's Republic on June 1, 1955. Retrieved from: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0013_war&object=translation&l=ru.

O preodolenii kul'ta lichnosti i ego posledstvij. (1956). [On overcoming the cult of personality and its consequences]. Resolution of the Central Committee of the CPSU Postanovlenie Central'nogo komiteta KPSS. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Orehov, A. M. (1997) K istorii pol'sko-sovetskikh peregovorov 19 oktjabrja 1956 g. v Bel'vedere (po novym materialam) [On the history of the Polish-Soviet negotiations on October 19, 1956 in Belvedere (based on new materials)]. In *Konflikty v poslevoennom razvitii vostochnoevropskikh stran* (pp. 130-156). Moscow : Institut slavyanovedeniya i balkanistiki.

Orehov, A. M. (2005) *Sovetskij Sojuz i Pol'sha v gody «ottepeli»: iz istorii sovetско-pol'skikh otnoshenij* [The Soviet Union and Poland during the “thaw”: from the history of Soviet-Polish relations]. Moskva: Indrik.

Orehov, A. M. (2008) Besedy pod svodami Bel'vedera: (Vstrecha sovetskikh i pol'skikh rukovoditelej v Varshave 19 oktjabrja 1956 g.) [Conversations under the Belvedere Vaults: (Meeting of Soviet and Polish Leaders in Warsaw on October 19, 1956)]. *Slavjanskij al'manah*. Moskva: Indrik.

Okhab, E. (1956) *Itogi XX sezda KPSS i zadachi Pol'skoj obedinennoj rabochej partii* [Results of the 20th Congress of the CPSU and the Tasks of the Polish United Workers' Party]. Retrieved from: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1956_101-10471

Krisan, M. A. (Ed.) (2012). *Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the 20th century: essays on political history]. Moskva: Indrik.

Islamov, T. M. (Ed.) (1998). *Sovetskij Sojuz i vengerskij krizis 1956 goda: dokumenty* [The Soviet Union and the Hungarian Crisis of 1956: documents]. Moscow: RPE.

Stykalin, A. S. (2003) *Prervannaja revolyucija: Vengerskij krizis 1956 goda i politika Moskvy* [Interrupted Revolution: The Hungarian Crisis of 1956 and Moscow's Policy]. Moskva: Novyj hronograf.

Syrop, K. (1961). *Vesna v oktjabre. Pol'skaja revolyucija 1956 g.* [Spring in October. Polish Revolution of 1956]. New York: Frederik A. Preger.

Gluchowski, L. (1997). *The Soviet-Polish Confrontation of October 1956: The Situation in the Polish Internal Security Corps*. Washington: Woodrow Wilson international Center for scholars. Working Paper No. 17.

Kemp-Welch, A. (2008). *Poland under communism: a cold war history*. Cambridge: Cambridge university press.

Kramer, M. (1998). The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings. *Journal of Contemporary History*, 33(2), 163–214.

Prazmowska, A. (2010). *Poland: A Modern History*. New York: LB. Tauris.

Sasanka, P. (2017). Poznański Czerwiec i rok 1956 — historia i pamięć po sześćdziesięciu latach [Poznań 1956 protests – history and remembrance after 60 years]. *Poznańskie Studia Polonistyczne Seria Literacka*, 29(4), 41–54.

Submitted: 04.08.2024

Accepted: 17.09.2024

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

ФУНКЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Г. А. Авдеева

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
g_avdeeva_64@mail.ru

Е. А. Наймушина

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
knaymushina@inbox.ru

Аннотация: В статье исследуется вопрос функционирования стилистически маркированной лексики в романе Евгения Водолазкина «Авиатор». Методы исследования: наблюдение, описание, сплошная выборка языкового материала, контекстуальный анализ. В статье обращается внимание на то, что стилистически окрашенная лексика в анализируемом произведении выполняет различные функции, в частности функцию реконструкции исторической эпохи; является средством речевой характеристики персонажа, а также усиления экспрессии авторской речи. Способствует созданию индивидуального авторского стиля, в некоторых случаях приобретает особый символический смысл. В романе сталкиваются две эпохи: начала и конца XX в. Герой насильственно, фантастическим образом перенесен из одной исторического периода в другой, что позволяет ему как бы со стороны оценить речевую ситуацию в России 1990-х. В размышлениях героя-рассказчика находит отражение одна из важных идей самого автора о происходящем упорнении языка, об утрате красоты, ради экономии.

Ключевые слова: стилистически маркированная (окрашенная) лексика, функционально стилистически окрашенная лексика (книжная, разговорная), эмоциональная, оценочная лексика, функции стилистически окрашенной лексики.

1. Введение

Известно, что «языку художественной литературы присущ синкретичный характер состава, или набора, языковых средств литературного языка с точки зрения их стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистических признаков» [Стилистика и литературное редактирование, 2004, с. 128]. Язык

художественной литературы может использовать самые разнообразные элементы, в том числе и внелитературные: просторечие, диалектизмы, жаргонизмы, окказионализмы и др. При этом включение языковых средств должно быть мотивировано, обусловлено авторским замыслом.

Все пласты лексики, в том числе так называемой сниженной: разговорной, просторечной, диалектной, жаргонной — в первую очередь используются для создания словесного портрета, для реалистического изображения быта определенной социальной среды, воссоздают исторический контекст, а также могут быть средством стилизации.

Интерес к стилистически окрашенной лексике и ее функциям в художественном произведении исследователи проявляли в разное время. Однако данная проблема остается актуальной, особенно в связи с тенденцией к активному использованию ненормативной лексики в современной художественной литературе, к смешению разнородных пластов лексики. См., например, работы: [Авдеева, 2012; Винокурова, 2016; Волкова, 2021].

Цель данной статьи — выявление функций стилистически маркированной лексики в романе Е. Водолазкина «Авиатор». Эта цель обусловила частные задачи:

- собрать языковой материал;
- сгруппировать его по типам стилистической окраски;
- выявить функции данных групп лексики, определить их роль в реализации авторского замысла.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала исследования был выбран роман «Авиатор» Евгения Водолазкина — одного из наиболее популярных современных авторов. Роман привлекает внимание различных исследователей. См, например работу: [Петухова, 2021]. Выбор данного произведения обусловлен его содержанием, поскольку в романе описана необычная ситуация, когда главный герой повествования, носитель определенной языковой культуры, оказывается фантастическим образом погружен в другую временную языковую среду. Кроме того, в самом романе главный персонаж-рассказчик часто высказывает мнение по поводу новых, необычных для него слов и дает им оценку. Часто подобные слова выделены автором курсивом. Например: «Сегодня в моей палате установили *телевизор*... — Слово громоздкое, сказал я Гейгеру о телевизоре. — Говорите *телик*, — ответил он. Есть в этом что-то телячье, я еще подумаю, стоит ли мне так говорить» [Водолазкин, 2016, с. 76].

Методологической базой исследования послужили труды ученых, занимающихся вопросами стилистики, таких как М. Н. Кожина [Кожина, 2008], И. Б. Голуб, [Голуб, 2018], В. П. Москвина [Москвин, 2023], Е. Ф. Петрищева [Петрищева, 1984] и др. Методы исследования: наблюдение, описание, сплошная выборка языкового материала, контекстуальный анализ.

3. Анализ

Прежде чем приступить к анализу собранного материала, рассмотрим основные теоретические аспекты исследования.

Под стилистической окраской, или коннотацией, мы вслед за М. Н. Кожиной понимаем «те дополнительные к выражению предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства, которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения» [Кожина, 2008, с. 67].

Большинство исследователей подразделяют стилистически окрашенную лексику на функционально-стилистически окрашенную и эмоционально-экспрессивную.

1. Функционально-стилистическая окраска является свойством языковых единиц, которое определяется их употреблением в конкретных функциональных стилях языка. Это означает, что слова, выражения и конструкции приобретают определенные оттенки и характеристики, связанные с типом коммуникативной ситуации, в которой они используются. Например, *дебет*, *воззрение*, *геноцид*, *раздевалка* и др. Таким образом, слово не только обозначает определенный объект или понятие, но и носит на себе отпечаток той области, в котором оно обычно используется. Наличие функционально-стилевой окраски свидетельствует об ограничении сферы употребления данной единицы. Лексемы, обладающие такой окраской, сопровождаются пометами: книжное, разговорное, публицистическое, официально-деловое и др.

2. Эмоционально-экспрессивная окраска является неотъемлемой частью языковых единиц, она выражает отношение к объектам и явлениям, производит их оценку и передает эмоциональные нюансы. Эмоционально-экспрессивная окраска проявляется в любой сфере использования этой единицы, в самых минимальных контекстах и даже изолированно. Стоит отметить, что она обычно сигнализирует и о наличии функционально-стилистической окраски. Например, *зубошлеп*, *брякнуть*, *воспылать* и др. Эмоционально-экспрессивная окраска, как правило, связана с выражением оценки явления, понятия, названного данным словом. Она сопровождает денотативный компонент значения. При этом не надо путать данную группу стилистически окрашенной лексики с нейтральными оценочными словами, когда оценка содержится непосредственно в денотате (*плохой*, *хороший*).

В работе Е. Ф. Петрищевой предлагается еще одна классификация стилистически окрашенной лексики, которая включает в себя следующие группы:

- лексика, сообщающая о сфере своего употребления;
- лексика, сообщающая об отношении говорящего к предмету речи;
- лексика, характеризующая говорящего [Петрищева, 1984, с. 125–

206].

Лексика, сообщающая о сфере своего употребления, отражает сферу, в которой данное слово обычно используется. Она обычно отличается специфическими терминами и терминологией, которые характерны только для определенной области знаний или деятельности. Например, *дифференцировать, кодификация, опознать* и др. Эта группа лексики соответствует функциональной стилевой окраске.

Лексика, сообщающая об отношении говорящего к предмету речи, отражает эмоциональное или оценочное отношение говорящего к предмету речи. Слова и выражения в этой категории могут выражать положительные или отрицательные чувства, а также субъективные взгляды и оценки. Например, *дилетант, дуралей, обелить* и др.

Лексика, характеризующая говорящего, дает представление о личности говорящего, его индивидуальном стиле и особенностях речи. Сюда включаются слова, которые связаны с социокультурными, профессиональными особенностями, а также с социальным статусом, возрастом, образованием говорящего. Например, *обитать, утрировать, утомление* и др.

Словари различных типов отражают стилистическую маркированность слова с помощью различных стилистических помет, таких как «разговорное», «просторечное», «книжное», «официальное» или «официально-деловое» и др. Эмотивная коннотация также указывается при помощи помет: «высокое», «шутливое», «ироническое», «бранное», «пренебрежительное» и др.

Проанализировав текст произведения, мы выделили около 100 слов, обладающих книжной окраской, в том числе общекнижной, сопровождающихся пометой «книжное» в словаре (*апофеоз, забвение, пафос, прагматический* и др.). Часть из этих слов обладает возвышенной окраской, что не всегда поддержано соответствующей пометой в словаре. Особую группу составляет научная лексика, как общенаучная (*явление, функция*), так и специальная, например, медицинская терминология, что обусловлено присутствием персонажа — врача (Гейгер): *микстура, инфлюэнца, патологический, инфекция* и др. Самая немногочисленная группа лексики — официально-деловая (*заявление*).

Также в ходе анализа было выделено более 100 слов сниженного характера — разговорной и просторечной лексики. Преобладает разговорная лексика (*приладил, обжился, каталка, приврать* и т. п.), но представлена и грубо просторечная лексика (*дерьмо, гнида, мерзавец*), и негрубая просторечная (*тамошний, башка, слямзить* и под.).

Для определения стилистической окраски языковых единиц использовалась следующая справочная литература: [Ефремова, 2000; Ожегов, 1995; Ушаков, 2008].

Использование сниженной лексики способствуют более детальному изображению социокультурной среды, в которой развивается сюжет произ-

ведения. Данные слова отражают уровень образования, социальное положение или происхождение персонажей, то есть в первую очередь выполняют функцию речевой характеристики. Кроме того, разговорная лексика придает тексту живость, делая диалоги более натуральными и правдоподобными. Сниженная лексика активно представлена в размышлениях о прошлом времени, когда главный герой описывает события 1920–1930-х гг. Данные слова акцентируют внимание читателя на суровых условиях и ярких образах того времени.

Следует отметить, что в романе Е. Водолазкина нет чрезмерного употребления сниженной лексики, что наблюдается в произведениях многих современных авторов (например, в романе А. Иванова «Ненастье»). Соблюдается своеобразный паритет книжной высокой и сниженной лексики. При этом главный герой Платонов, перемещенный искусственно путем заморозки из одной эпохи в другую, отмечает своеобразное ухудшение речи людей конца XX в. по сравнению с началом века. Герой сетует, что уходит многокрасочность языка, он упрощается, огрубляется.

В романе представлены и разные группы лексики с точки зрения эмоциональной окраски. Примеры представлены в следующей таблице.

Таблица — Разновидности эмоционально-экспрессивной окраски в романе «Авиатор» Е. Водолазкина

Виды	Примеры
Высокая	<i>Забвения, (иди) бестрепетно, величественно, беззаветно, твердь, неземная</i>
Ласкательная	<i>Трамвайчик, мастеров, тазик</i>
Неодобрительная	<i>Механистично</i>
Ироническая	<i>Персона, менторский</i>
Пренебрежительная, фамильярная	<i>Дребедень, зеваки, солдатня, слямзить, слюнявя, дрянной, выпроваживает, пустячный, буркнул, адски, ерунда, дядька</i>
Уничижительная	<i>Стишок</i>
Презрительная	<i>Гнида, проститутка, пошлятина, зануда</i>
Бранная	<i>Мерзавец, балда, сволочь</i>

Особую группу лексики составляют слова, всплывающие в сознании Иннокентия в связи с воспоминаниями о прошлом. Это своего рода историзмы, однако не только называющие ушедшие явления или понятия, но и обладающие эмоциональной окраской, как правило, оценочные. Например, герой вспоминает о двух видах глав питерских семей, уезжавших на лето на дачу: «дачные мужья и шампаньолики». Дачные мужья, отказывались от городских квартир и после работы ехали на дачу к семье. «Шампаньолики же, напротив, позволяли себе оставаться в городских квартирах, навещая семьи

по выходным. Почему-то считалось, что среди недели шампаньолики встречаются друг с другом, играют в карты и пьют — естественно, шампанское» [Водолазкин, 2016, с. 50]. Данные сведения, по-видимому, почерпнуты автором произведения из мемуаров начала XX в. *Шампаньолик* не просто историзм, но хлесткое оценочное слово. С одной стороны, оно иронично характеризует тех, кто может позволить себе снимать одновременно городскую квартиру и дачу, а с другой — связывается в сознании героя-рассказчика с легкомысленным временем, по сравнению с тем, что последовало после 1917 г.

Еще один пример подобной лексемы — *эмансипантка*. «По отважному разрезу ее платья я понял, что она *эмансипантка*. Она вела себя в полном соответствии с расхожим описанием» [Водолазкин, 2016, с. 89]. В данном случае «эмансипантка» обозначает не просто эмансипированную женщину, борющуюся за равные права для женщин и мужчин, а особу, отличающуюся легким поведением, сексуально раскрепощенную. Суффикс *-к-* придает слову сниженную окраску и пренебрежительную оценку.

Проанализировав различные группы стилистически маркированной лексики в романе «Авиатор» Е. Водолазкина, мы выделили следующие основные ее функции в произведении.

1. Реконструкция исторической эпохи.

Автор использует лексику, которая помогает окунуться в эпоху начала XX в. Значимую роль при этом играет как книжная лексика, в том числе общественно-политического характера, так и разговорная, просторечная. Лексика отражает ужасы, происходящие в лагерях. Перед читателем возникают картины бесчеловечного отношения к заключенным, начиная с их прибытия и заканчивая процессом работы, которая приводит к массовой гибели людей. Разговорная лексика отражает социальный статус персонажей, степень образованности населения.

При этом в «Авиаторе» происходит сопоставление двух периодов жизни России, и именно благодаря употребляемым словам (лексемам) ощущается разница, которая произошла в речи людей. Показателен образ Анастасии, которая в основном использует просторечную и собственно разговорную лексику, тем самым иллюстрируя тенденцию к упрощению языка. Главный же герой и повествователь одновременно, который перенесен фантастическим образом из 1920-х в 1990-е гг., говорит грамотнее, используя художественные обороты, разнообразную лексику и распространенные предложения. Он часто высказывается по поводу новой лексики, необычной для него. «В мое время это называли *пультверизатором*, а сейчас — *спреем*. Спрей, конечно, короче. В английском много таких словечек — маленьких, звонких, как шарик для пинг-понга, — удобных, в общем, и экономных. Только вот раньше на речи не экономили» [Водолазкин, 2016, с. 139]. Повествователь много раз обращает внимание на оскудение в мыслях и чувствах людей, которое произошло со временем и нашло яркое отражение в

речи людей. Также лексика показывает развитие технологий, появившихся за описываемый период, изменение быта, профессий и предметов гардероба.

2. Раскрытие образов персонажей, речевая характеристика персонажей.

Отбор лексики помогает раскрыть характеры главных героев, а также второстепенных персонажей. При этом важны не только значения слов, тематические группы лексики, но и стилистические окраски, контекстуальное употребление. Например, персонаж Гейгер в основном использует книжную и нейтральную лексику, что показывает его начитанность, интеллектуальное развитие, связь с наукой. Он врач и чаще всего в разговоре употребляет различные термины, к примеру, *МРТ*. Упомянутая выше героиня Анастасия демонстрирует речевые пристрастия молодежи 1990-х, в свою речь она часто включает сокращения, к примеру, «*оч*», слова с суффиксами субъективной оценки. При этом ее словарный запас не особо разнообразен. Героиня не использует какие-то яркие обороты, терминологию, распространенные конструкции. Анастасия вообще не склонна к серьезным размышлениям. Главный герой, наоборот, использует сложные конструкции, разнообразную книжную лексику. Чаще всего он размышляет об исторических процессах, жизнях людей, политике, науке, но в его речь присутствует и разговорная лексика, когда она уместна.

В воспоминаниях Иннокентия мы также видим разных персонажей, людей различных социальных групп, в том числе и заключенных, обладающих индивидуальными речевыми особенностями. Стилистически окрашенная лексика позволяет писателю передать эмоциональное состояние, образ мыслей и ценностные установки героев, а также помочь читателю лучше понять их мотивы и внутренний мир.

3. Усиление экспрессивности и эмоциональности, выражение оценки.

Эмоционально окрашенная лексика выполняет важную роль в произведении. Она позволяет передать состояние персонажей, а также вызывает определенные чувства у читателей. Как мы уже отметили, в тексте романа представлено достаточно много лексики, обладающей не только функциональной, но и эмоциональной окраской. Причем в некоторых случаях словарь не дает второй эмоциональной пометы, но слово явно носит оценочный характер либо приобретает его в контексте. Так, толковый словарь дает к слову «туфта» только помету «просторечное» («грубая подделка, обман»), при этом слово явно обладает негативной оценочностью: «Лживость этой кинохроники даже не в том, что это прямая *туфта*» [Водолазкин, 2016, с. 92]. Слово «туфта» наиболее точно передает полуправду кинохроники жизни Соловецкого лагеря. Воспоминания героя оказываются более точными, чем отснятые кадры, которые не передают «общий запах, цвет и звук отчаяния», сохранившиеся в душе бывшего узника Соловков навсегда.

Символический характер приобретает в романе слово «дерьмо», которое в переносном значении выражает крайнюю негативную оценку: «2. перен. О ком-чем-н. негодном, гадком (бран.)» [Ожегов, 1995, с.157]. «В каждом человеке есть дерьмо. Когда твое дерьмо входит в резонанс с дерьмом других, начинаются революции, войны, фашизм, коммунизм... И этот резонанс не связан с уровнем жизни или формой правления. То есть связан, может быть, но как-то не напрямую. Что примечательно: добро в душах отзывается совсем не с такой скоростью» [Водолазкин, 2016, с. 93]. Бранное слово символизирует всю темную сторону человека, которая вырывается наружу при определенных обстоятельствах.

В романе много, конечно, описаний лагерного ужаса, но автор делает это без чрезмерного подчеркивания, не злоупотребляя негативной, бранной, нецензурной лексикой.

4. Создание индивидуального авторского стиля.

Каждый писатель имеет свой уникальный способ выражения мыслей и эмоций, что особенно заметно на лексическом уровне произведения. Использование различных групп лексики помогает Е. Водолазкину создавать уникальный мир и атмосферу в своем романе. Одна из особенностей авторского стиля писателя заключается в том, что вполне нейтральные слова в контексте оказываются эмоционально окрашены и выполняют особую роль. Не случайно в тексте романа некоторые лексемы выделяются курсивом. Герой-повествователь часто комментирует новые для него слова, сравнивая их со словами «из прошлого», и при этом он отмечает благозвучие, полновесность тех, ушедших в прошлое слов, в противовес легковесности, краткости новых. «Позднее появился “летчик”, которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то куцее: есть в нем что-то от воробья. А авиатор — это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я» [Водолазкин, 2016, с. 92]. Показательна оценка слова «летчик»: новые слова кажутся Платонову неблагозвучными. Такая чуткость к лексике у Е. Водолазкина бесспорно связана с тем, что он является профессиональным исследователем литературы и языка.

В «Авиаторе» особое внимание уделяется описанию различных деталей, мелочей. Главный герой Иннокентий с трепетом описывает все, что всплывает в его воспоминаниях, начиная с дома, где он проживал, заканчивая рассказами о улицах, магазинах и домах. В его понимании историческую роль играют реалистичные детали, которые проникают в душу и остаются в памяти на долгие годы. Эти моменты, как «*стрекотание кузнечика*» или «*запах вскипевшего самовара*», являются неотъемлемой частью нашего культурного наследия и олицетворяют определенный временной, локальный и эмоциональный контекст. И такие подробные описания автора помогают создать особую атмосферу книги и донести мысль о том, что все наше окружение — это значимо и важно. Такие детали делают произведения литературы не только художественными, но и исторически значимыми, так

как они становятся отражением определенной эпохи и культурного контекста.

4. Заключение

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы можем сделать следующие выводы. Стилистически окрашенная лексика выполняет разные функции в художественном произведении: она способствует формированию художественных образов, помогает читателю глубже погрузиться в сюжет. Кроме того, она служит средством речевой характеристики персонажей, позволяет воспроизвести атмосферу определенной исторической эпохи или места. Реализацию всех этих функций мы можем видеть и в анализируемом произведении.

Е. Водолазкин в романе «Авиатор» смог гармонично использовать стилистически окрашенную лексику при описании разных исторических периодов в жизни нашей страны, подчеркнув их различия. Идиллические детские воспоминания главного героя чередуются с жуткими описаниями жизни заключенных на Соловках. Кроме того, в романе воспроизведена эпоха конца XX в., в которую герой насильственно и фантастически перенесен, что позволяет ему как бы со стороны оценить речевую ситуацию 1990-х гг. В размышлениях героя-рассказчика находит отражение одна из важных идей самого автора о происходящем упрощении языка, об утрате красоты, ради экономии.

Функционирование стилистически маркированной лексики в анализируемом произведении способствует полноценному воплощению идейно-эстетического замысла писателя.

Список литературы

Авдеева, Г. А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой / Г. А. Авдеева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2013. — № 3 (22). — С. 79–92.

Винокурова, И. Ж. Функции стилистически маркированной лексики в языке СМИ / И. Ж. Винокурова. — Текст : непосредственный // МНКО. — 2016. — № 5 (60). — С. 305–308.

Водолазкин, Е. Г. Авиатор : роман / Евгений Водолазкин. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 410 с. — Текст : непосредственный.

Волкова, А. Е. Эмоционально окрашенная лексика : понятие, виды и классификация / А. Е. Волкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 16 (358). — С. 125–127.

Голуб, И. Б. Стилистика русского языка и культура речи : учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 455 с. — Текст : непосредственный.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Том 1 : А–О. — 1210 с. ; Т. 2 : П–Я. — 1084 с. — Текст : непосредственный.

Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский : учебник. — 4-е изд. — Москва : Флинта, 2008. — 464 с. — Текст : непосредственный.

Москвин, В. П. Теоретические основы стилистики : монография / В. П. Москвин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Флинта, 2023. — 563 с. — Текст : непосредственный.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 2-е изд. — Москва : Азъ, 1995. — 907 с. — Текст : непосредственный.

Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. — Москва : Наука, 1984. — 22 с. — Текст : непосредственный.

Петухова, Е. Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» / Е. Н. Петухова. — Текст : непосредственный // Ученые записки НовГУ. — 2021. — № S1 (34). — С. 49–55.

Стилистика и литературное редактирование : учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям / В. И. Максимов, Ю. А. Бельчиков, А. В. Голубева [и др.] ; под ред. В. И. Максимова. — Москва : Гардарики, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). — 651 с. — Текст : непосредственный.

Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. — Москва : Дом Славянской книги, 2008. — 959 с. — Текст : непосредственный.

Получена: 17.07.2024

Принята: 19.08.2024

FUNCTIONS OF THE STYLISTICALLY EXPRESSIVE VOCABULARY IN THE NOVEL «AVIATOR» BY VODOLAZKIN

G. A. Avdeeva

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
g_avdeeva_64@mail.ru

E. A. Naimushina

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
knaymushina@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the functioning of stylistically marked vocabulary in the novel «Aviator» written by Evgeniy Vodolazkin. Research methods: observation, description, continuous sampling of language material, contextual analysis. The attention is paid to the various functions of observed phenomena such as the historical era reconstruction. Moreover, stylistically marked vocabulary is a means of speech characterization of a character and strengthening of the author speech expressiveness. In some cases, the observed phenomena contribute to the developing of the author's style and gaining some symbolic meaning. In the novel two epochs (the beginning and the end of XX century) are being observed. The main character is transferred forcibly from one historical age to another one by chance and because of it he is able to estimate the speech pattern of the Russian language in 1990s. One of the main author's ideas is connected with the language simplifying, the loss of beauty for the sake of conciseness.

Key words: stylistically marked vocabulary (expressive), functionally marked vocabulary (literary, colloquial), emotionally evaluative vocabulary, functions of the stylistically expressive vocabulary.

References

Avdeeva, G. A. (2013). Stilisticheski markirovannaja (okrashennaja) leksika v proizvedenijah G. Shherbakovoj [Stylistic marked (colored) vocabulary in the works of G. Shcherbakova]. *Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativna*, 3 (22), 79–92.

Vinokurova, I. Zh. (2016). Funkcii stilisticheski markirovannoj leksiki v jazyke SMI [Functions of stylistic marked vocabulary in the language of the media]. *MNKO*, 5 (60), 305–308.

Vodolazkin, E. G. (2016). *Aviator* [Aviator]. Moscow: AST.

Volkova, A. E. (2021). Emocional'no okrashennaja leksika: ponjatie, vidy i klassifikacija [Emotionally colored vocabulary: concept, types and classification]. *Molodoj učenyy*, 16 (358), 125–127.

Golub, I. B., & Starodubec, S. N. (2018). *Stilistika russkogo jazyka i kul'tura rechi* : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Stylistics of the Russian language and culture of speech : a textbook for the academic bachelor's degree]. Moscow: Yurajt.

Efremova, T. F. (2000). *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow: Russkij jazyk.

Kozhina, M. N., Duskaeva L. R., & Salimovskij, V. A. (2008). *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta.

Moskvin, V. P. (2023). *Teoreticheskie osnovy stilistiki* [Theoretical foundations of stylistics]. Moscow: Flinta.

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1995). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azy.

Ushakov, D. N. (2008). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Dom Slavjanskoj knigi.

Maksimov, V. I., Belchikov, Yu. A., & Golubeva A. V. (Eds.). (2004). *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie* [Stylistics and literary editing]. Moscow: Gardariki.

Submitted: 17.07.2024

Accepted: 19.08.2024

УДК 811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВОВ ТУРИСТОВ
О НИЖНЕМ ТАГИЛЕ)**

К. А. Анисимова

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
kseniya.110611@gmail.com

Ю. А. Фомина

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ufomina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению реализации категории оценки в туристическом дискурсе на примере интернет-отзывов о Нижнем Тагиле как туристическом объекте. Авторами выявляются содержательные особенности выражения оценки Нижнего Тагила в анализируемых отзывах, а также определяются наиболее частотные языковые средства, используемые для передачи аксиологических смыслов. Исследование позволило выявить наиболее частотные объекты оценивания, а также прийти к выводу о преимущественной репрезентации положительного образа города (70 %). Также в статье описываются востребованные языковые средства выражения оценки, основными из которых стали прилагательные, глаголы и наречия. Выявленный арсенал используемых языковых средств позволяет сформировать оценочное поле, способное оказывать влияние на формирование общественного мнения о Нижнем Тагиле как туристическом объекте.

Ключевые слова: туристический дискурс, оценка, языковая оценка, объект оценки, оценочная лексика, интернет-отзыв.

1. Введение

Лингвистические исследования в области туристического дискурса активно ведутся на протяжении последних десятилетий. Туристический дискурс рассматривается в научной литературе как разновидность институционального рекламного дискурса [Тюленева, 2008] либо как особый самостоятельный тип дискурса, способный взаимодействовать с другими его типами [Карасик, 2002; Филатова, 2012]. Данный тип дискурса выделяется на основании особой тематической направленности сообщения (путешествия и отдых), ориентации на строго определенного адресата (туриста), уникальности цели (проинформировать адресата о том или ином, туристическом

продукте и таким образом стимулировать продвижение этого продукта и одновременно помочь в непривычных обстоятельствах), маркированности специфичным набором языковых средств [Филатова, 2012].

Е. Е. Меньшикова отмечает, что туристический дискурс зачастую представлен текстами медиасферы, так как нередко явления, описываемые в данном дискурсе, носят не материальный характер. Подобные медийные тексты — особый способ описания и создания определенной (зачастую альтернативной) реальности [Меньшикова, 2010, с. 98].

Развитие технических средств, создание сети интернет и, как следствие, расширение способов коммуникации между людьми привели к формированию нового коммуникативного пространства, в рамках которого пользователи получили возможность свободно делиться информацией и высказывать свое мнение по самым разным вопросам. Развитие и популяризация туризма, интерес к познанию окружающего мира, в свою очередь, привели к росту туристической индустрии, появлению интернет-сайтов, которые предоставляют возможность самостоятельного планирования отдыха, бронирования жилья на время отпуска или деловой поездки. Все эти факторы обусловили появление новых жанров речевой коммуникации, одним из которых является жанр интернет-отзыва, имеющий целью выражение личного мнения.

Как отмечает В. Н. Телия, в трансляции мнения оценка занимает важнейшее место, особенно она проявляется тогда, когда интерес субъекта смещается с объективного отражения действительности к достижению «определенного воздействия на адресата путем выражения своего отношения к миру» [Телия, 1986, с. 10].

Категория оценки трактуется как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова, 1988, с. 60]. При этом, определяя понятие оценки, исследователи констатируют многоуровневость средств ее выражения [Фомина, 2007]. Так, Е. А. Баженова трактует оценку как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова, 2006, с. 139].

В научной литературе рассматривается совокупность инструментов оценки, которая включает в себя различные средства ее выражения. Т. В. Маркелова определяет два уровня выражения оценочности: лексический уровень, основными средствами которого являются имена прилагательные, и синтаксический уровень, представленный предложением и его речевой реализацией — высказыванием [Маркелова, 1996, с. 24].

Рассматривая лексические средства выражения оценки следует отметить, что лингвисты не выработали единой концепции по вопросу о месте оценочного компонента в семантической структуре лексической единицы.

Например, В. В. Виноградов считал, что оценку необходимо рассматривать не только как оттенок в лексическом значении слова, но как «возможный компонент его семантической структуры» [Виноградов, 1972, с. 29]. Значимым средством выражения оценки являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, с помощью которых создается эмоционально-оценочная окраска слова. Например, Г. А. Золотова говорит о следующих аффиксах субъективной оценки: *-оньк-, -онечк-, -охоньк-, -ёшеньк-, -к-, -ечк-, -оват-, -еват-, -ок-, -ик-, -чик-, -ишек-, -(и)ца* [Золотова, 1980, с. 85].

По мнению исследователей, оценочность становится характерной чертой в первую очередь у прилагательных как «класса слов, способного ее выражать» [Ягубова, 1998, с. 45].

Общепринятой классификацией оценочных прилагательных является классификация Н. Д. Арутюновой, согласно которой оценочные прилагательные по типу выражаемой ими оценки делятся на общеоценочные и частнооценочные [Арутюнова, 1988]. Общеоценочные прилагательные дают общую оценку, которая традиционно выражается прилагательными *хороший* и *плохой*. Общеоценочные прилагательные могут быть представлены в виде синонимического ряда с разными стилистическими и экспрессивными оценками, например, *прекрасный, превосходный*. Такие близкие по значению прилагательные позволяют замещать в контексте слова, выражая определенную экспрессивно-эмоциональную окраску. В отличие от общеоценочных прилагательных частнооценочные прилагательные оценивают объект с определенной точки зрения, то есть по одному из его аспектов (*глупый* – интеллектуальная оценка, *красивый* – эстетическая оценка и т. д.).

Качественные прилагательные считаются типичными средствами выражения оценки. Включая в себя атрибутивные и предикативные признаки, качественные прилагательные могут выступать в роли классических предикатов, способных выполнять в тексте субъективно-характеризующую функцию. Так как объект оценки выражен именем существительным, именно прилагательное указывает на качества оцениваемого объекта.

Е. М. Вольф отмечает, что лексическим средством выражения оценки часто выступают глаголы с оценочным значением и наречия в качестве оценочных средств при глаголах [Вольф, 1985, с. 132] (например: жить в гостинице – *удобно*). Глагольные формы со значением оценки в отзыве чаще всего выражают эмоциональный настрой субъекта речи (например: *любить, нравиться* и др.). Подобные глаголы являются сигналами положительной оценки объекта.

Еще одной частью речи, имеющей значительный оценочный потенциал, являются наречия [Ахманова, 2004, с. 38]. М. А. Сурган отмечает, что обычно оценка встраивается в семантику наречия и, следовательно, проявляется на лексическом уровне языка. Общая положительная оценка выражается с помощью таких наречий, как *хорошо, идеально, красиво, отлично, ак-*

куратно, здорово. Для выражения общей негативной оценки часто используются наречия *плохо, бесполезно, недостаточно, неэффективно, дурно, глупо* [Сурган, 2015, с. 198].

Наречия также могут служить дополнительным средством выражения оценки действий и процессов, выраженных глагольными формами. Связь глагола и наречия может быть рассмотрена с двух точек зрения. Во-первых, существует мнение, что наречие лишь дополняет семантику глагола своими семантическими признаками, конкретизируя заключенную в нем оценку. Иная точка зрения, которой придерживается Е. М. Вольф, заключается в том, что глагол и наречие образуют семантическое единство, состоящее из двух элементов, которые невозможно представить порознь [Вольф, 1985, с. 134]. Особенно это заметно в тех случаях, когда в семантическую структуру глагола входит оценочная сема, которая предполагает обязательное наличие слова-оценки, тогда наречие при глаголе необходимо. Например, глаголы отношения (*обращаться, относиться, обходиться с кем-то хорошо/плохо*), поведения (*держаться, вести себя хорошо/плохо*) и состояния (*выглядеть, чувствовать себя хорошо/плохо*).

Категория оценки может быть представлена стандартными клишированными формами словесного выражения. Например, наиболее стандартной формой выражения оценки являются похвала и одобрение: *Похвально! Отлично! Хорошо! Умница! Молодец!* и др.

Лексемы, выражающие оценку объекта, располагаются на оценочной шкале. Интенсивность признака проявляется и в самой лексеме, и аналитическим способом, при помощи интенсификаторов, которые «составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотношенных друг с другом неопределенным образом» [Вольф, 1985, с. 45].

В роли интенсификаторов могут выступать слова разных частей речи: местоименные слова (*как, такой, так, какой, самый*), наречия (*совершенно, абсолютно, очень, удивительно*), частицы (*прямо, просто, вообще*). Эти слова увеличивают силу семы, которая демонстрирует положительные или отрицательные качества объекта.

Н. И. Клушина отмечает, что в определенном контексте лексема с положительным значением может изменить его на противоположное, а положительное и отрицательное значение нейтральных слов может развиваться через формирование у нее определенной коннотации при сохранении нейтральной семы [Клушина, 2000, с. 99].

По мнению Ю. А. Бельчикова, именно с помощью семантической гибкости под воздействием контекста раскрывается потенциал лексической единицы в передаче новых значений интеллектуального содержания и субъективной модальности, что позволяет говорить о подвижности нейтральной лексики в семантическом и экспрессивном отношениях [Бельчиков, 1988, с. 78].

М. А. Сурган также говорит о возможности выражения оценки не только отдельными лексемами, но и семантикой целого высказывания, указывая на необходимость учета компонентов прагматического контекста для правильной интерпретации оценочной коннотации лексемы [Сурган, 2015, с. 202].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что оценка может выражаться различными лексемами, при построении оценочного суждения используются разнообразные части речи. При этом следует различать общеоценочные и частнооценочные значения, которые позволяют определить превалирующую оценку в текстах определенного речевого жанра.

Таким образом, представляется актуальным обращение к изучению использования языковых оценочных средств в туристическом дискурсе для выявления особенностей восприятия туристических объектов и маршрутов, а также определения типичных механизмов воздействия на адресата сообщения в рассматриваемом типе дискурса.

2. Материал и методика исследования

Для проведения исследования нами были проанализированы отзывы туристов о Нижнем Тагиле как туристическом объекте, размещенные на двух популярных сайтах: Otzovik.com и Tourister.ru. Методом сплошной выборки были отобраны 52 интернет-отзыва о данном городе, размещенные на указанных сайтах в период с 2020 по 2024 гг.

Анализ материала предполагал выявление содержательных особенностей выражения оценки Нижнего Тагила как туристического объекта авторами отзывов, а также определение наиболее частотных языковых средств, используемых для передачи аксиологических смыслов.

3. Анализ

Содержательные особенности репрезентации оценки Нижнего Тагила в интернет-отзывах туристов обусловлены ключевыми компонентами структуры оценки: субъектом, объектом, основанием оценки, а также основными типами выражаемых оценочных значений.

В анализируемых текстах отзывов оценка дается с позиции одного субъекта — туриста, который стремится дать отзыв, отражающий разные стороны путешествия.

Объектом оценки в анализируемом материале выступает Нижний Тагил как туристический объект. Основанием оценки являются аспекты, которые связаны с содержанием интернет-отзывов туристов о Нижнем Тагиле, а именно:

1. Удобство расположения Нижнего Тагила для туристов — 5 % («*Нижний Тагил от нас находится недалеко, всего в ста километрах*»; «*От Екатеринбурга рукой подать — всего-то сто двадцать два километра*» и др.).

2. Архитектура и скульптура города — 35 % («Даже сейчас что-то такое чувствуется в этих домах, хотя отпечаток зажиточности постепенно сменился элементом обшарпанности»; «Прямо в центре есть и красивые постройки, и что-то полуразрушенное»; «В Тагиле много забавных скульптур, еще парочку я встретила в районе музея» и др.).

3. Музеи — 16 % («У подножия Лисьей горы находится уникальный музей федерального значения — единственный в России завод-музей индустриальной культуры»; «Если приедете в Нижний Тагил, обязательно посетите Музей бронетанковой техники — сила и мощь России» и др.).

4. Размер города — 4 % («Нижний Тагил небольшой город, но есть, на что посмотреть, что увидеть» и др.).

5. Экология — 10 % («Воздух действительно тяжелый, “промышленный”. В городе везде пахнет гарью, особенно в жаркую безветренную погоду»; «В городе очень страдает экология, особенно трудно дышать в летние дни, когда на улице стоит жара» и др.).

6. Общие впечатления от посещения города — 30 % («Город преобразился, изменился в лучшую сторону»; «Тагил важен для России своей развитой металлургической промышленностью, своим военным потенциалом и музейными редкостями» и др.).

Количественное соотношение оснований оценки Нижнего Тагила как туристического объекта можно представить в виде диаграммы (Рис. 1).

Рис. 1 — Основания оценки Нижнего Тагила как туристического объекта

На наш взгляд, оценка чаще всего дается по данным основаниям, так как это типичные критерии для характеристики посещаемого туристом города. По этой причине наиболее часто оцениваемыми оказались скульптура и архитектура города, так как во время путешествия туристы совершают продолжительные прогулки с целью знакомства с городом и акцентируют

внимание на том, что привлекло их взгляд. Общие впечатления и оценка посещенного места типичны для любого туристического отзыва, так как позволяют резюмировать свое мнение. Нижнетагильские музеи достаточно часто привлекают внимание туристов и становятся объектами посещения, поэтому их оценка также находит отражение в отзывах. Экологию города можно отметить как специфичный объект оценки туристов, который свидетельствует об осведомленности широкой аудитории об экологическом неблагополучии Нижнего Тагила, а также о наличии фактов экологической загрязненности, наблюдаемых туристами.

Общий взгляд на содержательные особенности анализируемых отзывов и рассматриваемых в них объектов нам дает классификация оценок по критерию аксиологической интерпретации (Рис. 2).

В анализируемом материале положительная оценка представлена в большем количестве высказываний туристов (70 %), причем отсутствует она лишь в одной выделенной тематической группе — экология. Данный объект оценки содержит наибольшее количество высказываний, содержащих в себе отрицательную оценку (*«Город сильно загрязнен. Проблема экологии — проблема всей Свердловской области, Урала. Искренне жаль людей, которые вынуждены всем этим дышать»* и др.).

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОЦЕНКИ

■ Положительная ■ Нейтральная ■ Отрицательная

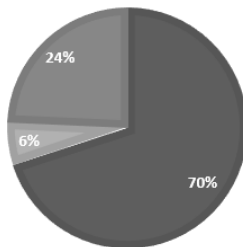

Рис 2 — Типы оценок в интернет-отзывах туристов по критерию аксиологической интерпретации

В остальном положительная оценка в той или иной степени содержится практически во всех отзывах туристов и касается всех остальных тематических категорий, будь то удобство расположения или музеи (*«Город богат своими красками, набережная, цирк, драматический театр радуют своими красками, как днем, так и в темное время суток! Больше всего поразил музеем под открытым небом!»* и др.).

Отрицательная оценка встречается реже (24 %). Помимо экологии, в основном она находит отражение в оценке состояния архитектуры города и

в описании общих впечатлений («В целом Нижний Тагил на меня не произвел особого впечатления. Это город, который можно посетить для общего развития, но как туристическое место его не стоит рассматривать»; «Некоторые здания в городе выглядят совсем неухоженными. Например, ДДТ Тагилстроевского района. Ремонт просто необходим, без слез не взглянешь. А ведь для детей!» и др.).

Крайне редко (6 %), но все же встречается и нейтральная оценка («Ехать немного долго, но вполне нормально»; «Ну что можно сказать, если не избитую фразу “Тагил – город контрастов”?» и др.). Малый процент нейтральной оценки может быть связан с тем, что в своих отзывах туристы стремятся все же к более экспрессивному, красочному и образному выражению своих впечатлений.

По соотношению объективного и субъективного оснований в содержании оценки в анализируемых текстах отзывов представлены и общеоценочные, и частнооценочные значения (Рис. 3).

**КЛАССИФИКАЦИЯ ОЦЕНОК ПО СООТНОШЕНИЮ
ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ОСНОВАНИЙ В
СОДЕРЖАНИИ ОЦЕНКИ**

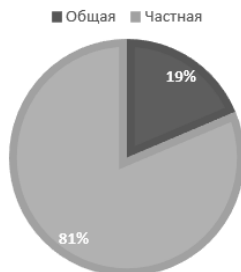

Рис. 3 — Типы оценок в отзывах туристов по соотношению объективного и субъективного оснований в содержании оценки

Общая оценка составляет 19 % от общего количества суждений. Например: «Впервые проезжая по Тагилу, я ужаснулась увиденному, настолько мне показался мрачным этот город»; «Таково было наше краткое знакомство с Нижним Тагилом, родиной и сердцем российской металлургии» и др.

В интернет-отзывах туристов более широко представлены частнооценочные значения (81 %), в которых можно выделить следующие разновидности

1) нормативные оценки — 6 % (нормально, славный; не такой, каким его описывают и др.);

2) утилитарные оценки — 8 % (*долго, очень просто, комфортный, безопасно, вредный и др.*);

3) эмоциональные оценки — 31 % (*осталась в восторге, поразил, стал любимым, произвел неизгладимое впечатление и др.*);

4) эстетические оценки — 33 % (*живописный, красивый, прекрасный, обширный, роскошный и др.*);

5) этические оценки — 3 % (*отзывчивые, добродушные люди, гостеприимно и др.*);

6) психологические оценки — 3 % (*без слез не взглянешь, печально, вызывает досаду, с сожалением и др.*);

7) интеллектуальные оценки — 16 % (*уникальный, интересный, увлекательный, запоминающийся и др.*) (Рис. 4).

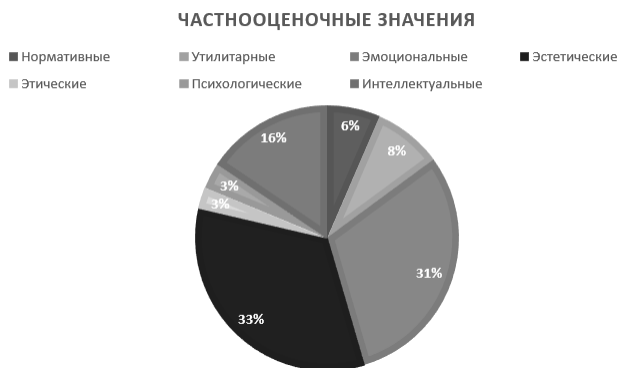

Рис. 4 — Типы частнооценочных значений

Значительное преобладание частнооценочных значений по сравнению с общей оценкой можно объяснить стремлением туристов познакомить читателей интернет-отзывов с Нижним Тагилом с разных сторон, выделив и оценив значимые для путешествия аспекты. Эстетические и эмоциональные оценки преобладают, что связано со стремлением туриста охарактеризовать внешнюю привлекательность посещаемого места или объекта, запечатлеть красивую «картинку», а также выразить свои эмоции от увиденного.

Таким образом, в ходе анализа содержательных особенностей репрезентации оценки туристами Нижнего Тагила в интернет-отзывах было выявлено, что в выделенных тематических группах преобладает положительная оценка, выражаемая преимущественно с помощью частнооценочных значений, при этом для выражения аксиологических смыслов привлекаются различные языковые средства.

В проанализированных интернет-отзывах были выявлены такие средства выражения оценочности, как имена прилагательные, глаголы, наречия, имена существительные, причастия и фразеологизмы.

Соотношение использования различных языковых средств оценки в интернет-отзывах туристов о Нижнем Тагиле представлено на следующей диаграмме (Рис. 5).

**ЧАСТОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ**

■ Имена прилагательные   ■ Глаголы   ■ Наречия
■ Имена существительные   ■ Причастия   ■ Устойчивые выражения

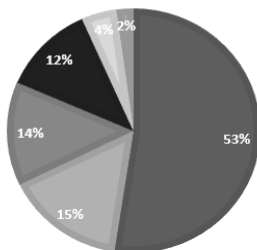

Рис. 5 — Частотность использования языковых средств выражения оценки

Основными средствами выражения оценки выступили имена прилагательные, представленные в полной и краткой форме, в различных степенях сравнения. Характерной особенностью выражения положительной и отрицательной оценки с помощью имен прилагательных является возможность демонстрации ее интенсивности, которая отражает движение по оценочной шкале от положительного полюса к отрицательному. Интенсивность признака выражается как с помощью прилагательных с собственной высокой интенсивностью признака («самый любимый», «известнейший» и др.), так и с помощью сопутствующих наречий («очень необычный», «ужасно грязный» и др.).

Чаще всего имена прилагательные использовались авторами для эстетической оценки, при этом наиболее употребительным оказалось прилагательное «красивый». Помимо этого, для выражения эстетической оценки в своих отзывах туристы используют такие прилагательные, как «прекрасный», «необычный», «живописный», «чудесный», «грязный», «облезлый» и др. Следует отметить, что имена прилагательные встречаются при оценке всех выделенных нами объектов.

Следующим по частотности средством выражения оценки являются глаголы. Условно их можно разделить на три группы:

1) глаголы, выражающие состояние, например: «*была заинтригована*», «*можно насладиться*», «*может заморозить*» и др.;

2) глаголы, выражающие эмоции, например: «*удивляет*», «*вызывает досаду*», «*восхищает*», «*понравился*», «*не произвел особого впечатления*» и др.;

3) глаголы, выражающие рекомендацию автора отзыва читателям, например: «*советую*», «*стоит насладиться*», «*должны посетить*», «*обязательно посетите*» и др.

Следующая группа языковых средств — наречия, они зачастую использовались авторами отзывов в комплексе со словами других частей речи, тем самым авторы часто интенсифицировали оценку, выражаемую другими лексемами. Подобным образом при оценивании участвовали наречия «*очень*», «*обязательно*», «*вполне*», «*весьма*», «*совсем*», «*довольно*», «*совершенно*» и др.

Еще менее многочисленная группа языковых средств — имена существительные, способствующие оценке фактов, отмеченных туристами. Так, например, авторы отзывов говорят об «*обшарпанности*», «*запущенности*», «*неухаживенности*», оценивая архитектуру города. Или делятся своим представлением об объектах, например, «*музей бронетанковой техники — сила и мощь*»; говоря о скульптуре, называют ее «*красотка*», называют набережную Нижнетагильского пруда «*гордостью*» города и т. д.

Немногочисленной группой языковых средств оценки выступают причастия. В большинстве своем они встречаются при оценке внешнего состояния архитектуры и культурных памятников, например, «*полузаброшенный*», «*полуразрушенный*», «*исписанный*», «*изрисованный*», «*обновленный*» и т. д.

Помимо слов разных частей речи, языковым средством выражения оценки в интернет-отзывах туристов выступают также устойчивые выражения «*рукой подать*», «*без слез не взглянешь*», «*неизгладимое впечатление*», «*умудренный опытом*», «*мастер своего дела*», позволяющие туристам передать емкий смысл в короткой и знакомой всем фразе, причем сделать это эмоционально и выразительно.

4. Заключение

Сущность оценки как универсальной языковой категории заключается в отображении мнений и предпочтений относительно ценности рассматриваемого предмета или явления для субъекта. Оценочные средства являются важнейшей составляющей языка, одной из функций которого является выражение мнения о явлениях окружающего мира.

Появление новых условий для обмена мнениями и информацией естественным образом вызвало интерес лингвистов к средствам актуализации оценочного отношения субъекта к описываемому объекту в разных типах дискурса, в том числе в туристическом.

Исследование интернет-отзывов о Нижнем Тагиле как туристическом направлении позволило выявить наиболее частотные объекты оценивания — это архитектура и скульптура, общие впечатления, музеи. В проанализированных текстах в основном репрезентируется положительный образ города (70 %), большая часть выявленных отрицательных оценок касается экологии Нижнего Тагила, а также эстетического состояния некоторых наблюдаемых объектов (здания, памятники).

Для выражения оценки чаще всего используются лексемы с частнооценочными значениями (прежде всего эстетическими и эмоциональными), что объясняется стремлением туристов к восприятию внешней красоты места (в том числе для удачных фотографий), а также желанием испытать новые эмоции и поделиться ими.

Основным средством выражения оценки стали имена прилагательные (53 %), востребованными также оказались глаголы, передающие состояние и эмоции, наречия, чаще всего выступающие в роли интенсификатора оценки, существительные с оценочным значением.

Таким образом, выявленный арсенал используемых языковых средств позволяет сформировать оценочное поле, безусловно способное оказывать влияние на формирование общественного мнения о Нижнем Тагиле как туристическом объекте.

Дальнейшее изучение особенностей использования языковой оценки в туристическом дискурсе будет способствовать выявлению объектов, привлекающих внимание туриста, и выработке оптимальной стратегии информационного продвижения туристических объектов на территории России.

Список литературы

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — Текст : непосредственный.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 571 с. — Текст : непосредственный.

Баженова, Е. А. Категория оценки / Е. А. Баженова. — Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2006. — С. 139–146.

Бельчиков, Ю. А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения / Ю. А. Бельчиков. — Москва : Русский язык, 1988. — 157 с. — Текст : непосредственный.

Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — 2-е изд. — Москва : Высшая школа, 1972. — 613 с. — Текст : непосредственный.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — Москва : Наука, 1985. — 228 с. — Текст : непосредственный.

Золотова, Г. А. О категории оценки в русском языке / Г. А. Золотова. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 1980. — № 2. — С. 84–88.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Перемена. — 2002. — № 2. — С. 24–30.

Клушина, Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ / Н. И. Клушина. — Текст : непосредственный // Публицистика и информация в современном обществе : сборник ; ред. Г. Я. Солганик. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 2000. — С. 94–106.

Маркелова, Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т. В. Маркелова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 1996. — № 1. — С. 80–89.

Меньшикова, Е. Е. Лингвопрагматические особенности текстов туристической рекламы / Е. Е. Меньшикова. — Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. — 2010. — № 2. — С. 98–102.

Сурган, М. А. Наречие как средство выражения оценки в интернет-коммуникации / М. А. Сурган. — Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2015. — № 1. — С. 197–202.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1986. — 144 с. — Текст : непосредственный.

Тюленева, Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюленева Наталья Александровна ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2008. — 269 с. — Текст : непосредственный.

Филатова, Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса / Н. В. Филатова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — 2012. — № 2. — С. 76–82.

Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 20. — С. 154–161.

Ягубова, М. А. Лексико-семантическое поле «Оценка» в русской разговорной речи : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ягубова Марина Александровна ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 1992. — 265 с. — Текст : непосредственный.

Получена: 22.06.2024

Принята: 20.08.2024

**FEATURES OF THE EXPRESSION OF EVALUATION
IN THE TOURIST DISCOURSE
(ON EXAMPLE OF ONLINE REVIEWS OF TOURISTS
ABOUT NIZHNY TAGIL)**

K. A. Anisimova

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
kseniya.110611@gmail.com

Yu. A. Fomina

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
ufomina@yandex.ru

Annotation. The article deals with the implementation of the evaluation category in the tourist discourse on the example of online reviews of Nizhny Tagil as a tourist destination. The authors identify the meaningful features of expressing the assessment of Nizhny Tagil in the analyzed reviews, and also identify the most frequent linguistic means used to convey axiological meanings. The study made it possible to identify the most frequent objects of assessment, as well as to come to the conclusion about the predominant representation of a positive image of the city (70 %). The article also describes the popular linguistic means of expressing evaluation, the main of which are adjectives, verbs and adverbs. The identified arsenal of language tools used allows us to form an evaluation field that can influence the formation of public opinion about Nizhny Tagil as a tourist destination.

Key words: tourist discourse; assessment; language assessment; object of assessment; evaluative vocabulary; Internet review.

References

- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Editorial URSS.
- Arutjunova, N. D. (1988). *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

Bazhenova, E. A. (2006). Kategorija ocenki [Language assessment category]. In *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* (pp. 139–146). Moscow: Flinta.

Bel'chikov, Yu. A. (1988). *Leksicheskaja stilistika: problemy izuchenija i obuchenija* [Lexical stylistics: problems of learning and teaching]. Moscow: Russkij jazyk.

Filatova, N. V. (2012). Zhanrovoe prostranstvo turisticheskogo diskursa [The genre space of the tourist discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 2, 76–82.

Fomina, Yu. A. (2007). Aspekty izuchenija jazykovoj ocenki [Aspects of learning language assessment]. *Vestnik cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20, 154–161.

Yagubova, M. A. (1992). *Leksiko-semanticheskoe pole «Ocenka» v russkoj razgovornoj rechi* [The lexical and semantic field of "Assessment" in Russian colloquial speech] [Candidate Dissertation, Saratov State University].

Karasik, V. I. (2002). Jazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. *Peremena*, 2, 24–30.

Klushina, N. I. (2000). Jazykovye mehanizmy formirovaniya ocenki v SMI [Linguistic mechanisms of assessment formation in the media]. *Publicistika i informacija v sovremennom obshhestve*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 94–106.

Markelova, T. V. (1996). Vzaimodejstvie ocenочnyh i modal'nyh znachenij v russkom jazyke [The interaction of evaluative and modal meanings in the Russian language]. *Filologicheskie nauki*, 1, 80–89.

Men'shikova, E. E. (2010). Lingvopragmaticheskie osobennosti tekстов turisticheskoy reklamy [Linguistic and pragmatic features of tourist advertising texts]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2, 98–102.

Surgan, M. A. (2015). Narechie kak sredstvo vyrazhenija ocenki v internet-kommunikacii [Adverb as a means of expressing evaluation in Internet communication]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 1, 197–202.

Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka.

Tyuleneva, N. A. (2008). *Lingvokognitivnye strategii pozitsionirovaniya i prodvizheniya turisticheskikh uslug v rossiyskoy i anglo-amerikanskoy reklame* [Linguocognitive strategies for positioning and promoting travel services in Russian and Anglo-American advertising]. [Candidate Dissertation, Ural State Pedagogical University].

Vinogradov, V. V. (1972). *Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical teaching about the word]. Moscow: Vysshaja shkola.

Vol'f, E. M. (1985). *Funkcional'naja semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka.

Zolotova, G. A. (1980). O kategorii ocenki v russkom jazyke [About the evaluation category in Russian]. *Russkij jazyk v shkole*, 2, 84–88.

Submitted: 22.06.2024

Accepted: 20.08.2024

УДК 81'42

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ИСКУССТВО» В ЗАГОЛОВКАХ ШОУ «УРАЛЬСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ»

А. Я. Динкилякер

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
Dinkilyaker@mail.ru

Н. М. Чудакова

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
chudakova_nelli@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные феномены со сферой-источником «искусство» в заголовках шоу «Уральские пельмени». Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на популярность рассматриваемого шоу и большое количество трансформированных прецедентных феноменов в их заголовках, данному медиатексту уделено недостаточное исследовательское внимание. Для изучения прецедентных имен применялись методы количественного анализа, сплошной выборки, а также общенаучные методы наблюдения и обобщения. В ходе исследования было выделено несколько наиболее частотных субсфер, таких как «кино» — 46 %, «литература» — 41 %, «музыка» — 9 %, «изобразительное искусство» — 4 %. Актуальными прецедентными феноменами для шоу «Уральские пельмени» являются советские и зарубежные фильмы, классические тексты русской литературы, изучаемые в рамках школьной программы, и художественные произведения, получившие широкую известность в том числе благодаря телевизионным экранизациям.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентные феномены, интертекстуальность, медиадискурс, шоу «Уральские пельмени».

1. Введение

Последние два десятилетия в отечественной лингвистической литературе ознаменованы широким интересом к феномену прецедентности. В лингвистике наблюдается развитие нескольких основных подходов к изучению прецедентных явлений. Один из них объединяет концепции теории языковой личности и когнитивной лингвистики [Гудков, 1999, 2000, 2003; Захаренко, 1997; Караулов, 2010; Костомаров, 1999; Красных, 2002, 2003 и др.]. Другой подход основан на достижениях лингвокультурологии [Слышкин, 2000 и др.]. Третий представлен через призму теории интертекстуальности [Евтюгина, 1995; Кузьмина, 2014; Супрун, 1995 и др.].

Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен в 1987 г. Ю. Н. Карауловым. Ученый рассматривал вопрос прецедентных текстов в

рамках теории языковой личности, объясняя их употребление прежде всего коммуникативно-деятельностными потребностями личности. Ю. Н. Караулов определил прецедентные тексты как тексты, которые имеют значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеют сверхличностный характер, то есть хорошо известны и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, обращение к ним возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 2010].

Широкая интерпретация прецедентного текста и введение понятия «прецедентный феномен» переносят обсуждаемую проблематику в иную плоскость.

Е. Ю. Прохоров определяет прецедентные феномены, как единицы, реализация которых влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, стоящему за ним. Прецедентные феномены выступают, таким образом, в роли символов, посредством которых происходит апелляция к некому тексту (в широком смысле), известному всем представителям одного лингвокультурного сообщества [Прохоров, 2016].

Особый вклад в развитие прецедентности внесли И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков и Д. В. Багаева.

В. В. Красных понимает под прецедентными феноменами явления, которые хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальны в когнитивном плане и постоянно возобновляются в речи представителей данного лингвокультурного сообщества. Далее ученый поясняет, что за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия [Красных, 2003].

В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева под прецедентным текстом понимают законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности. Прецедентный текст, как полагают исследователи, знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества, а обращение к прецедентному тексту многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы [Гудков, 2003].

Таким образом, основной критерий при выявлении прецедентных текстов — это их известность широкому кругу людей. Второй принципиальный компонент в определении прецедентного текста — наличие инварианта его восприятия. Такой подход отвечает цели рассмотрения всех прецедентных феноменов — изучить ядерную инвариантную часть русского языкового сознания [Вахрушева, 2013]. Соответственно, задаются жесткие границы для прецедентных феноменов: так, В. В. Красных настаивает, что возобновляемость обращения к тому или иному прецедентному феномену может и не

быть частотной, но она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (в противном случае это будет апелляция не к прецедентным феноменам) [Красных, 2002].

В современных исследованиях широко используется классификация прецедентных феноменов, предложенная Д. Б. Гудковым: прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные тексты [Гудков, 2003].

Прецедентная ситуация — однократная, реальная произошедшая ситуация, входящая в когнитивную базу лингвокультурного сообщества [Гудков, 2000].

Прецедентное высказывание — фраза или словосочетание, которая может быть цитированием части произведения или полным воспроизведением небольшого по объему текста, а также являться заголовком [Гудков, 2003].

Прецедентное имя — имя собственное как предмет изучения ономастики, напрямую или косвенно связанное с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, «апеллирующее не конкретно к денотату, а к набору дифференциальных признаков, которыми обладает референт» [Захарченко, 1997].

Прецедентный текст — это текст, понимаемый как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Красных, 2003]. Прецедентные тексты представляют собой определенный тип образцовых текстов национальной культуры, изучение которых необходимо при социализации личности в национально-лингвокультурном сообществе, обращение к которым постоянно возобновляется в данном сообществе. К прецедентным текстам относят произведения художественной литературы, тексты песен, тексты рекламы, анекдотов и т. д.

Вопрос о принадлежности фразеологизмов, метафорических моделей и других явлений к определенному типу прецедентных текстов остается под вопросом.

Также исследователи [Красных, 2003; Слышкин, 2000; Михайлова, 2018 и др.] предлагают рассматривать прецедентные феномены по степени их известности, выделяя:

- 1) глобально прецедентные, известные практически везде в мире;
- 2) национально прецедентные, активно используемые в основном в одной стране;
- 3) социумно прецедентные, не обладающие общенациональной известностью, но важные для некоторых социальных, профессиональных, возрастных групп;
- 4) известные лишь в малых группах, например, в отдельной семье.

Многие исследователи различают вербальные и невербальные тексты. В работе А. А. Евтюгиной рассматривается не только вербальная, но и музыкальная стороны прецедентных знаков [Евтюгина, 1995]. Ю. Б. Пикулева подробно классифицировала невербальные прецедентные единицы при анализе использования культурных знаков в телевизионной рекламе, такие как узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, типовые жесты и поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева, 2003].

Изучив различные подходы к классификации прецедентных текстов, можно заключить, что разнообразие типологий и их различия определяются целями, задачами, используемыми методами исследования, а также типами дискурса, на которых основан данный анализ. Так, А. Е. Супрун анализирует следующие сферы-источники прецедентности: фольклор, Библия, произведения античной мифологии и литературы, произведения древнерусской, русской и мировой литературы, популярные песни, кинофильмы, политические тексты, детская литература [Супрун, 1995]. В работе Н. А. Неговора и Н. Г. Щитовой выделены такие сферы-источники, как политика, литература, фольклор, религия, киноискусство, искусство, мифология, наука, и история [Неговора, Щитова, 2021].

Для комплексного описания поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы следующие его существенные признаки:

1) исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка», «спорт» и др.). Многие ментальные поля-источники содержат различные подполя, группы и другие аналогичные элементы;

2) новая понятийная область, то есть сфера-магнит (сфера-мишень) для соответствующего ментального поля (например, «политика», «реклама», «сфера развлечений» и др.). В составе того или иного ментального поля-магнита можно также выделить подполя, группы и иные подобные единицы;

3) относящиеся к соответствующей сфере фреймы, концепты, сценарии, скрипты и иные ментальные единицы, каждая из которых представляет определенную часть соответствующего смыслового поля [Нахимова, 2007].

Особую значимость приобретают прецедентные феномены в заголовке, так как он привлекает внимание читателя в первую очередь. Заголовок становится первым сигналом, который побуждает читать материал. Он также выражает идею и содержание текста, и является самостоятельным речевым жанром. Заголовки могут отражать тему текста или позицию автора по отношению к этой теме.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящего исследования послужили 68 заголовков шоу «Уральские пельмени», опубликованных в период с 2009 по 2024 гг. и содержащих трансформированные прецедентные феномены.

Для изучения прецедентных имен, встречающихся в заголовках шоу «Уральские пельмени» применялись методы количественного анализа, сплошной выборки, а также общенаучные методы наблюдения и обобщения.

3. Анализ

Всего было проанализировано 68 заголовков со сферой-источником «искусство» из популярного отечественного медиа-шоу «Уральские пельмени».

Наиболее частотными субсферами оказались «кино», «литература», «музыка» и «изобразительное искусство» (Таблица).

Таблица — *Прецедентные феномены со сферой-источником «искусство» в заголовках шоу «Уральские пельмени»*

Компоненты сферы-источника		%	
1.	Кино	%	46 %
	Отечественные фильмы	18 %	
	Зарубежные фильмы	28 %	
2.	Литература	%	41 %
	Отечественная литература	26 %	
	Зарубежная литература	15 %	
3.	Музыка		9 %
4.	Изобразительное искусство		4 %
	Сфера-источник искусство		100 %

В субсфере «кино» наиболее частотными прецедентными феноменами становятся названия фильмов, мультсериалов, сериалов, телепередач, а также строки из фильмов, ставших культовыми. Данная субсфера составляет 46 % от общего числа прецедентных феноменов со сферой-источником «искусство», из которых 28 % зарубежных фильмов и сериалов и 18 % отечественных фильмов.

Дважды встречаются заголовки, восходящие к советскому фильму 1987 г. «Гардемарины, вперед!»: «Мандарины, вперед!» и «Не вешать хвост, ветеринары». В первом названии отсылка к названию фильма, при этом трансформация прецедентного текста обусловлена тематикой данной программы, которая была посвящена празднованию Нового года. Во втором примере мы можем наблюдать отсылку к песне «Не вешать нос, гардемарины!», в данном случае трансформация также объясняется темой выпуска (Природа и экология).

Авторы шоу редко используют в своих заголовках отсылки к отечественным современным программам. Так, несколько раз встречается отсылка к названию телепрограммы «Модный приговор»: «*Шубный приговор*» и «*Модный перебор*». Использование прецедентных феноменов можно объяснить тем, что выпуски с такими заголовками были посвящены 8 Марта: именно девушки активно следят за модой и смотрят данную телепередачу.

Зарубежные фильмы, мультфильмы и сериалы имеют широкий разброс по дате выпуска от 1951 до 2015 г. Чаще всего шоу «Уральские пельмени» использует отсылки к американским кинокартинам.

К примеру, название «*Дневниковый период*» восходит к названию американского мультфильма 2002 г. «Ледниковый период». Программа была посвящена школьной тематике, отсюда и название выпуска.

Широкое использование имеют отсылки к фильмам самых разнообразных кинематографических жанров — от боевиков до комедий. Например, представлены отсылки к научно-фантастическим фильмам: «*Пинг-понг жив*» (Источник: название американского фильма «Кинг-конг жив» 1986 года). Название обусловлено спортивной тематикой данного выпуска. «*Назад в булушную*» (Источник: название американского фильма «Назад в будущее» 1985). Вариант произношения «*булушная*» в некоторых источниках отмечен как устаревший, его использование в заголовке обусловлено исторической тематикой выпуска.

Субсфера «литература» составляет 41 % от общего числа прецедентных феноменов со сферой-источником «искусство».

Необходимо отметить, что многие прецедентные феномены в данной субсфере являются яркой иллюстрацией пересечения, диффузности различных полей прецедентности. Так, поле прецедентных феноменов со субсферой «литература» пересекается с полем прецедентности «кино», так как многие художественные произведения часто экранизируются и получают благодаря этому свою известность. К примеру, трансформированный прецедентный текст «Обыкновенное чудо» может отсылать зрителя не только к советскому фильму Э. Гарина «Обыкновенное чудо» 1964 г. и фильму Марка Захарова 1978 г., но и к исходному тексту, пьесе Е. Шварца с одним названием.

Субсфера «литература» представлена отечественной литературой (26 %) и зарубежной литературой (15 %). Данное соотношение вполне закономерно, так как создатели заголовков шоу, моделируя общественно-политическую действительность страны, апеллирует к жителям России, а конкретно — к актуальным и значимым для них ценностям, многие из которых получили философское осмысление в отечественной художественной литературе.

В заголовках шоу используются отсылки к названиям произведений отечественной художественной литературы XIX и XX вв., изучавшимся в

школе. Это обусловлено тем, что она наиболее понятна большому кругу зрителей.

В данных заголовках встречаются трансформированные прецедентные имена: «*Пот ученый*» (Источник: «кот ученый» — персонаж поэмы «Руслан и Людмила А. С. Пушкина»), прецедентные высказывания: «*Красота спасет мыр*» (Источник: «Красота спасет мир...» — фраза из романа Ф. М. Достоевского «Идиот») и, конечно, прецедентные тексты: «*Отцы и эти*» (Источник: название романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»).

В трансформированных заголовках представлены прецедентные имена: «*Хозяйка медной сковородки*» (Источник: «Хозяйка медной горы» — персонаж легенд уральских горняков, мифический образ хозяйки Уральских гор, вымышленный писателем П. П. Бажовым в сборнике сказов «Малахитовая шкатулка»), а также прецедентные тексты: «*Мастер и мандарины*» (Источник: название романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»).

Прецедентные феномены, отсылающие к произведениям зарубежных авторов, встречаются крайне редко. В подавляющем большинстве они отсылают к зарубежным сказкам. Это можно объяснить тем, что широкому кругу зрителей известны именно зарубежные сказки, потому что они читали их в детстве и продолжают читать своим детям. К примеру, прецедентный текст «*Принцесса огорошена*» отсылает нас к названию сказки датского писателя Х. К. Андерсена «Принцесса на горошине». В другом выпуске также используется отсылка к сказке Х. К. Андерсена, но уже к сказке под названием «Снежная королева», в шоу это название используется в измененном виде «*Нежная королева*». Оба эти выпуска были посвящены празднованию 8 Марта. Можно предположить, что сказки писателя были использованы в связи с тем, что в их названии есть упоминание лиц женского пола.

Субсфера «музыка» составляет всего 9 % от общего числа прецедентных феноменов со сферой-источником «искусство». Все прецедентные феномены из данной субсферы — это названия и строки из песен советского союза, так как, как было сказано выше, целевая аудитория шоу «Уральские пельмени» — это простые люди, чаще всего старшего поколения. Также это может быть обусловлено тем, что песни советского союза являются культовыми и остаются актуальными до сих пор.

К примеру, заголовок «*Музыка нас слизала*» отсылает зрителя к названию песни группы «Мираж» «Музыка нас связала». Выбор данной песни для названия выпуска вызван тематикой программы, которая была посвящена музыке.

Остальные названия концертов с субсферой «музыка» не связаны с музыкальной тематикой выпусков. Например, выпуск под названием «*Нельзя в иллюминаторе*» (Источник: «Земля в иллюминаторе» — строчка группы «Земляне» из песни «Трава у дома») посвящен Дню космонавтики, а выпуск «*Женское: — Щас я!*» (Источник: «Женское счастье» — название песни Татьяны Овсиенко) — женскому празднику 8 Марта.

Низкочастотной оказалась субсфера «изобразительное искусство», которая составляет 4 % от общего числа прецедентных феноменов со сферой-источником «искусство» и полностью состоит из произведений отечественных художников. Это можно объяснить тем, что живопись знакома меньшему количеству зрителей, в отличие от фильмов и литературы.

Дважды встречаются прецедентные феномены, восходящие к картине А. Саврасова «Грачи прилетели»: «*Грачи пролетели*» и «*ЖИ-ШИ прилетели*». Первым заголовком был назван весенний концерт, а вторым — концерт, посвященный 1 Сентября.

Таким образом, наиболее актуальными для шоу «Уральские пельмени» являются советские и зарубежные фильмы, классические тексты русской литературы, изучаемые в рамках школьной программы, и художественные произведения, получившие широкую известность в том числе благодаря телевизионным экранизациям, то есть обладающие трансферным характером. Однако при этом литературные произведения имеют более низкую актуальность по сравнению с кинофильмами. Это связано, на наш взгляд, с развитием клипового мышления. Современные люди предпочитают быструю смену картинок в фильмах и роликах в интернете чтению книг. Мы считаем, что преобладание текстов русской классической литературы XIX в. над произведениями русских и советских писателей XX в. связано с системой литературного образования в школе. В этой системе больше внимания уделяется изучению литературы XIX в., чем XX в.

4. Заключение

В ходе исследования были выявлены наиболее частотные субсферы прецедентных феноменов, используемых в шоу «Уральские пельмени»: «кино», «литература», «музыка», «изобразительное искусство».

Большинство отечественных фильмов, к которым отсылают прецедентные феномены, представляют собой шедевры советского кино. Это можно объяснить тем, что целевая аудитория шоу «Уральские пельмени» — представители старшего поколения, немногим из них будут понятны отсылки к современным фильмам, поэтому авторы радуют зрителей названиями, в которых есть отсылка к хорошо знакомым им фильмам.

В заголовках шоу используются отсылки к названиям произведений отечественной художественной литературы XIX и XX вв., которые изучаются в школе. Это обусловлено тем, что эта литература изучалась во всех российских школах, она наиболее понятна широкому кругу зрителей.

Отечественная художественная литература XIX в. представлена произведениями великих русских классиков, таких как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, И. С. Тургенев и др.

Произведения отечественной художественной литературы XX в. представлены следующими писателями: П. П. Бажов, М. А. Булгаков, Б. Васильев, А. Грин.

Прецедентные феномены, отсылающие к произведениям зарубежных авторов, встречаются крайне редко. В подавляющем большинстве они отсылают к зарубежным сказкам. Это можно объяснить тем, что широкому кругу зрителей известны именно зарубежные сказки, которые они читали в детстве и продолжают читать своим детям.

Рассмотрев функционирование прецедентных феноменов в заголовках шоу «Уральские пельмени», мы установили, что прецедентные феномены сегодня чрезвычайно актуальны в медиадискурсе. Заголовки, содержащие прецедентные феномены, не только привлекают внимание зрителя и побуждают его ознакомиться с выпуском, но и интеллектуализируют медиатекст, вплетают медиатекст в ткань общей культуры, формируют новые смыслы.

Список литературы

Вахрушева, М. И. Трансформации интертекстуальных включений в заголовках медиатекстов / М. И. Вахрушева, А. С. Мушинская. — Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2013. — № 1. — С. 25–28.

Гудков, Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — Москва : Издательство МГУ, 1999. — 152 с. — Текст : непосредственный.

Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Гудков, Д. Б. Язык, сознание, коммуникация / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Прецедентная ситуация и способы её актуализации / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 2000. — С. 276–330.

Евтюгина, А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Евтюгина Алла Александровна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 1995. — 17 с. — Текст : непосредственный.

Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко. — Текст : непосредственный // Язык. Сознание. Коммуникация. — Москва : Филология, 1997. — С. 200–240.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : ЛКИ, 2010. — 7-е изд. — 264 с. — Текст : непосредственный.

Костомаров, В. Г. Пространство современного русского дискурса и единицы его описания / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. — Текст : непосредственный // Русский язык в центре Европы. — 1999. — № 2. — С. 65–76.

Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — Текст : непосредственный.

Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — Текст : непосредственный.

Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст / Н. А. Кузьмина. — Москва : ФЛИНТА. — 2014. — 416 с. — Текст : непосредственный.

Михайлова, Д. С. Англоязычное городское фэнтези: авторские трансформации прецедентного текста : специальность 45.03.02 «Лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Михайлова Дарья Сергеевна; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2018. — 79 с. — Текст : непосредственный.

Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : Ин-т социального образования, 2007. — 207 с. — Текст : непосредственный.

Неговора, Н. А. Сферы-источники прецедентных феноменов в англоязычных СМИ / Н. А. Неговора, Н. Г. Щитова. — Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2021. — № 1. — С. 227–232.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, А. Н. Российская. — Москва : Российский фонд культуры, 1995. — 874 с. — Текст : непосредственный.

Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пикулева Юлия Борисовна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2003. — 22 с. — Текст : непосредственный.

Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. — Москва : Флинта: Наука, 2016. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2000. — 141 с. — Текст : непосредственный.

Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17–29.

Получена: 11.08.2024

Принята: 15.09.2024

TRANSFORMATION OF PRECEDENT PHENOMENA FROM THE SOURCE DOMAIN "ART" IN THE HEADLINES OF THE "URALSKIE PELMENI "

A. J. Dinkilaker

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
Dinkilyaker@mail.ru

N. M. Chudakova

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
chudakova_nelli@mail.ru

Abstract. The article deals with the precedent phenomena with the source domain ART in the headlines of the "Ural Dumplings Show". The relevance of the work is due to the fact that despite the popularity of the show in question and the abundance of transformed precedent phenomena in their headlines, this media text has been little analyzed. Methods of quantitative analysis, continuous sampling, as well as general scientific methods of observation and generalization were used to study these case names. During the study, several of the most frequent subdomains were identified, such as CINEMA (46 %), LITERATURE (41 %), MUSIC (9 %), FINE ARTS (4 %). Thus, relevant precedent phenomena for the "Ural Dumplings Show" are Soviet and foreign films, classic texts of Russian literature studied as part of the school curriculum, and works of art that have become widely known, including through television adaptations.

Keywords: precedent name; precedent phenomena, intertextuality, media discourse, show «Uralskie Pelmeni».

References

Vakhrusheva, M. I., & Mushinskaya, A. S. (2013). Transformacii intertekstual'nyh vkljuchenij v zagolovkah mediatekstov [Transformations of intertextual inclusions in media text titles]. *Intelligence. Innovations. Investments*, 1, 25–28.

Gudkov, D. B. (1999). *Precedentnye imena i problemy precedentnosti* [Precedent names and problems of precedence]. Moscow: Moscow State University Publishing House.

Gudkov, D. B. (2003). *Teorija i praktika mezhhkul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: ITDGG "Gnosis".

Gudkov, D. B. (2000). Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, consciousness, communication]. In Krasnykh V. V., Izotov A. I. (Eds.), *Precedent situation and ways of its actualization* (pp. 276–330). Moscow: Dialog-MSU.

Evtyugina, A. A. (1995). *Precedentnye teksty v poezii V. Vysockogo (k probleme idiostilja)* [Precedent texts in the poetry of V. Vysotsky (to the problem of idiostyle)] [Candidate Dissertation, Ural State University named after A. M. Gorky].

Zakharenko, I. V. (1997). Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena]. *Language. Consciousness. Communication*, 1, 200–240.

Karaulov, Yu. N. (2010). Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: LKI.

Kostomarov, V. G., & Burvikova, N. D. (1999). Prostranstvo sovremennogo russkogo diskursa i edinicy ego opisanija [The space of modern Russian discourse and the units of its description]. *Russian language in the center of Europe*, 2, 65–76.

Krasnykh, V. V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [“Our” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow: Gnosis.

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies]. Moscow: Gnosis.

Kuzmina, N. A. (2014). *Sovremennyy mediatekst* [Modern media text]. Moscow: FLINTA.

Mikhailova, D. S. (2018). *Anglojazychnoe gorodskoe ffjentezi: avtorskie transformacii precedentnogo teksta* [English-language urban fantasy: author's transformations of the precedent text] [Candidate Dissertation, Ural State Pedagogical University].

Nakhimova, E. A. (2007). *Precedentnye imena v massovoj kommunikacii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg: Institute of Social Education.

Negovora, N. A., & Shchitova, N. G. (2021). Sfery-istochniki precedentnyh fenomenov v anglojazychnyh SMI [Source domains of precedent phenomena in English-language media]. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, 1, 227–232.

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu., & Rossiyskaya A. N. (1995). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language: 8000 words and expressions]. Moscow: Russian Cultural Foundation.

Pikuleva, Yu. B. (2003). *Precedentnyj kul'turnyj znak v sovremennoj televizi-onnoj reklame: lingvokul'turologicheskij analiz* [Precedent cultural sign in modern television advertising: linguacultural analysis] [Candidate Dissertation, Ural State University named after A. M. Gorky].

Prokhorov, Yu. E. (2016). *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow: Flinta: Nauka.

Slyshkin, G. G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty prece-dentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguacultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow: Moscow State Linguistic University.

Suprun, A. E. (1995). Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie [Textual reminiscences as a linguistic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniya*, 6, 17–29.

Submitted: 11.08.2024

Accepted: 15.09.2024

УДК 81'276.3-053.6

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

С. А. Нестеренко

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
sofya.nesterenko.00@inbox.ru

Е. В. Южанинова

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
elena-yuzh@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена структурно-семантической характеристике английского молодежного сленга. Материалом послужили 100 языковых единиц английского молодежного сленга, взятых из англоязычных СМИ: The Guardian, Daily Mail, TimesLive. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей английского молодежного сленга. Методами, которые были применены в данном исследовании, являются метод сплошной выборки, метод систематизации, структурный метод, компонентный анализ и сопоставительный анализ. Научная новизна заключается в многоаспектном описании английского молодежного сленга, выделенного из современных источников за период с 2018 по 2023 г. На основе тематической классификации нами выявлено, что самой частотной сферой употребления английского молодежного сленга стал блок «Выражение эмоций» — 33%. В структурной классификации отмечено, что самым продуктивным путем пополнения словарного состава английского молодежного сленга стал способ «Словообразование» — 60%, а самым частотным структурным типом сленговых единиц стали простые слова — 36%.

Ключевые слова: сленг, молодежный сленг, английский язык, структура слова, семантика, англоязычные СМИ.

1. Введение

Сленг — это неотъемлемая часть любого языка. Хотя проблемой изучения сленга занимались многие лингвисты, до сих пор не дано четкого определения данного термина. Одной из разновидностей сленга является молодежный сленг, который отражает изменения, происходящие в окружающем мире и часто употребляется как в средствах массовой информации, так и в речи молодых людей. Кроме этого, молодежный сленг характеризуется высокой степенью изменчивости и скорости изменений. Сленг находится в процессе постоянного развития и пополнения [Деева, Павлова, Тагиева, 2018].

2. Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили 100 языковых единиц английского молодежного сленга, представленных в таких источниках, как The Guardian, Daily Mail, Times Live.

В работе использованы эмпирические методы (метод сплошной выборки, метод систематизации) и теоретические методы (структурный метод, компонентный анализ, сопоставительный анализ).

3. Структурно-семантический анализ английского молодежного сленга

Сленг находится в непрерывном развитии: сленговые единицы регулярно дополняются и обновляются, некоторые выходят из употребления, а некоторые, напротив, надолго остаются в речи и становятся общеупотребительными [Лобастова, 2020]. Такая особенность сленга и объясняет возрастающий интерес лингвистов к проблеме его изучения.

Стоит отметить, что изучением сленга занимались многие лингвисты, однако этимология термина «сленг», а также его определение до сих пор являются сложным вопросом. Например, лексикографы А. Баррере и Ч. Г. Лиланд приводят несколько версий происхождения данного термина. Согласно первой версии, к слову *slang* достаточно приближено слово англосаксонского происхождения *slanga*, которое переводится как ‘оборот речи’; по другой версии к *slang* относится слово *toislanga*, также имеющее англосаксонское происхождение [Цит. по: Гамов, 2016]. Другой версией является цыганское происхождение термина, где он имеет значение ‘gipsy’ (тайный язык) [Гамов, 2015].

Исследователи спорят и об определении данного языкового явления. Например, В. А. Хомяков пишет про сленг: «Сленг — это слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни» [Хомяков, 2009, с. 29]. В свою очередь, филолог А. Т. Липатов считает, что сленг — это вызов скуке, невыразительности в языке [Липатов, 2010].

Сленговые слова довольно быстро появляются и распространяются, но вместе с этим они также быстро исчезают, а взамен появляются новые.

Причинами использования сленговых единиц являются, по мнению Т. Е. Захарченко являются мода, потребность в экспрессии и полезность [Захарченко, 2009].

Кроме того, следует отметить, что английский язык является так называемым языком-донором для других языков, хотя сам использует словообразовательные и семантические ресурсы, которые уже заложены в нем самом [Салиева, 2019].

Сленг существует в разных возрастных и социальных группах, однако чаще всего используется молодыми людьми. Можно сказать, что молодежный сленг охватывает практически все сферы деятельности человека, а его

лексемы эмоционально окрашены. При этом молодежный сленг достаточно легко может проникнуть в речь людей, принадлежащих другим возрастным группам [Ступина, 2022, с. 1094].

Итак, молодежный сленг — это постоянно изменяющиеся лингвистические средства, обладающие выразительной силой и использующиеся в общении молодых людей, которые состоят в дружеских отношениях [Снегирёв, 2018, с. 199–202].

Приведенные выше теоретические аспекты позволяют ближе познакомиться со сленгом и непосредственно перейти к структурно-семантическому анализу английского молодежного сленга.

В процессе структурного анализа английского молодежного сленга нами была рассмотрена не только структура сленговых единиц, но и способы пополнения молодежного сленга.

100 отобранных сленговых единиц были распределены нами на пять блоков по способу пополнения словарного состава английского сленга. Два блока из пяти включают в себя несколько групп, и еще два блока рассматриваются нами отдельно, так как состоят из выражений и эмодзи (Таблица 1).

Таблица 1 — *Способы пополнения английского молодежного сленга*

Название блока	Входящие группы	Процент
Словообразование	Сокращение (34%)	60 %
	Словопроизводство (19%)	
	Словосложение (7%)	
Изменение значения	Расширение значения (16%)	32 %
	Перенос наименования (16%)	
Фонетические приемы	—	4 %
Выражения	—	2 %
Использование эмодзи	—	2 %

Самым большим блоком стал блок «Словообразование» (60 %), в котором самым продуктивным способом пополнения словарного состава английского молодежного сленга является сокращение. В эту группу входят 34 сленговые единицы, что составляет 34 % от общего анализируемого материала. Популярность данного способа можно объяснить тем, что язык тяготеет к языковой экономии. Через сокращение молодые люди могут выразить достаточное количество информации, используя при этом минимум слов, но сохраняя смысл того, что они хотели выразить. Особенно часто сокращения используются в письменной форме, хотя в устной форме они также встречаются.

Сокращение представлено телескопией, апокопой и различными видами аббревиации.

Например, с помощью телескопии было образовано существительное *avotoast* ‘тост с авокадо’ (популярная тематика для фото в социальных сетях), состоящие из существительных *avocado* ‘авокадо’ и *toast* ‘тост’; прилагательное *hangry* ‘голодный и злой’, образовано путем телескопии прилагательных *hungry* ‘голодный’ и *angry* ‘злой’.

С помощью апокопы были образованы такие сленговые единицы, как например: *libes* от *library* ‘библиотека’, *opps* от *opposition* ‘человек, с которым не ладишь’ и т. д.

Нами было зафиксировано достаточно большое количество сленговых единиц, представляющие разные виды аббревиации.

Например, сокращение *rizz* ‘романтическая привлекательность’ является произвольно выделенной частью существительного *charisma* ‘харизма’, то есть используется средняя часть слова *ris* и вместо одной буквы *s* используются две буквы *zz*. По нашему мнению, замена буквы служит для придания сленговой единице большей экспрессии. Другим примером служит аббревиатура *BNOC* ‘big name of campus’ (обозначает насмешку над человеком за его заблуждения о собственном величии), которая образована из названий начальных букв слов, то есть является акронимом. Примером графического сокращения является *DR* ‘didn’t read’, которое употребляется в ситуации, когда написано слишком много текста.

Следующий способ, входящий в блок, — «Словопроизводство» (19 %). Словопроизводство представлено конверсией и аффиксацией.

К конверсии нами отнесено семь единиц сленга. Способом вербализации образованы такие примеры сленга, как глагол *to rent-free* ‘жить в чьей-то голове’, который образован от английского слова *rent-free* ‘бесплатная аренда, без арендной платы’; глагол *to kick-back* ‘расслабиться’, образованный вербализацией существительного *kick* ‘удар, толчок’ и наречия *back* ‘назад’. С помощью адъективации образованы следующие примеры сленговых единиц: *fail* ‘плохой’ от глагола *to fail* ‘претерпевать неудачу’ и *slaps* ‘исключительный, очень хороший’ от глагола *to slap* ‘ударять, шлепать’. И с помощью субстантивации образовано сленговое слово *woke* ‘осведомленный человек’. В данном случае произошла субстантивация второй формы неправильного глагола *wake* — *woke* — *woken* ‘проснуться, разбудить’.

К аффиксации нами отнесено 12 сленговых единиц. Аффиксация представлена суффиксацией и префиксацией.

Примерами суффиксации служат такие сленговые единицы, как, например, *rizzler* и *greener*. Обе сленговые единицы образованы при помощи присоединения суффикса *-er*. *Rizzler* используется для обозначения мужчины, который знакомится с девушками с целью соблазнения. Существительное *greener* ‘новичок’ используется для описания первокурсника или нового человека, например, в какой-либо группе.

Примерами префиксации являются существительное *deinfluencing*, которое переводится как ‘практика отговаривания людей от покупки определенных продуктов с помощью медиа’. В данном случае произошло присоединение отрицательной приставки *de-* к существительному *influencing* ‘влияние’. Еще одним интересным примером является прилагательное *parasocial* ‘парасоциальный’, образованное путем присоединения приставки *para-* к прилагательному *social* ‘общественный’. Данный сленгизм используется для обозначения отношений, характеризующихся безответным чувством близости, испытываемым зрителем или поклонником к известной персоне.

Существительное *no-hoper* ‘неудачник’ образовано путем присоединения префикса *no-* и суффикса *-er* к существительному *hope* ‘надежда’.

Третий способ, представленный в данном блоке, — это словосложение (7%). Данным способом образованы следующие сленговые единицы: существительное *roadman* ‘уличный парень’, которое образовано сложением двух существительных: *road* ‘дорога’ и *man* ‘человек, мужчина’; существительное *photobomb* ‘испорченная фотография из-за чего-либо попавшего в кадр’, образованное сложением двух существительных: *photo* ‘фотография’ и *bomb* ‘бомба’.

Вторым по величине блоком является блок «Изменение значения» — 32 %. Блок состоит из двух групп: расширение значения и перенос наименования.

К группе «Расширение значения» нами отнесено 16 сленговых единиц. Рассмотрим несколько примеров. Существительное *soft launch* в прямом значении обозначает предварительный выпуск продукта перед релизом для ограниченной аудитории, однако новое значение единицы *soft launch* используется, когда кто-то публикует фотографию, намекающую на то, что в вашей жизни есть особенный человек. Например, фотография половины лица человека, силуэта и т. д. Другим примером может служить глагол *to roast*. В прямом значении он обозначает ‘жарить’, а его второе значение — проводить так называемую ‘прожарку’, то есть высмеивать внешность, поведение, поступки другого человека часто в довольно грубой форме. Еще одним ярким примером может служить сленговое слово *skibidi*. Изначально данное слово использовалось в качестве названия мультсериала на YouTube *Skibidi Toilet*, в котором рассказывалось о группе странных существ, которые жили в туалетах, пугали людей и пытались захватить власть над миром. Затем произошло расширение значения, и данное сленговое слово начало использоваться для описания злого, вредного человека.

В группу «Перенос наименования» вошло также 16 сленговых единиц, что соответствует 16 %. Интересными примерами являются глагол *to touch grass*, который означает, что человек делает что-то странное, глупое, бессмысленное и ему нужно вернуться к реальности. В данном случае ‘трогать траву’ является метафорическим переносом, демонстрирующим всю

бессмысленность занятия. *Piece of cake* описывает нечто невероятно простое, доступное, легкое. В данном случае ‘кусочек торта’ выступает метафорой к действию, которое можно сделать быстро, не затрачивая усилия, так, как отрезать, например, кусочек торта. *Wig snatch* ‘сорвать парик’ является метафорой, которая используется, когда кто-то хочет кого-то раскритиковать на публике. В свою очередь примером использования метонимии является сленговое слово *blood* ‘кровь’, которое в результате метонимического переноса используется для обозначения брата или близкого друга.

Третий блок — «Фонетические приемы», к которому относится четыре примера сленга, — это *shook* от существительного *shock* ‘шок’, где происходит замена одной буквы *o* сразу на две для придания большей экспрессивности, сопровождающаяся при этом потерей буквы *s* в сочетании *ck*. Другим примером является слово *dench*, образованное от слова *hench* ‘мужественный, сильный’. В данном случае буква *h* заменяется на другую согласную *d*, которая является звонкой. Данный пример можно отнести к фонетической мимикрии, при которой слово заменяется на пароним — *hench* и *dench*. Сам сленгизм используется в значении ‘хорошо’. Использование звонких согласных *zz* в конце существительного *bozz* ‘лидер’ (от слова *boss* ‘шеф, босс’) вместо двух глухих согласных *ss* является способом придания большей эмоциональности данному слову. По аналогии используется сленговая единица *ZOMG* ‘oh my God’, где в начало ставится буква *z* также для придания эмоциональности, экспрессии.

Далее мы рассмотрим два отдельных блока.

Первый блок — это «Выражения», в который входит два примера (2 %).

Oh my days! или *Oh my goodness!* ‘О божечки!’ или ‘Черт возьми!’

He cuts his eyes at me. ‘Он скосил на меня глаза’ (употребляется, когда кто-то смотрит, а затем резко отворачивается, при этом пренебрежительно закрыв глаза).

В данном блоке зафиксировано одно восклицательное предложение и одно повествовательное предложение.

Второй блок — это «Использование эмодзи», в который нами отнесено два примера (2 %): *crying emoji* и *skull emoji*. Первое эмодзи используется в значении, что что-то является смешным до слез, а второе эмодзи обозначает что-то смешное в шутливо-злом смысле.

Таким образом, самым продуктивным способом пополнения словарного состава английского молодежного сленга, исходя из приведенных в таблице 2 данных, стало словообразование (60 %), а наименее продуктивным — фонетические приемы (4 %).

Для анализа структуры английских сленговых единиц мы классифицировали их по типам: простые слова, производные слова, сложные слова,

сокращения, выражения, эмодзи (Таблица 2). Выражения и эмодзи образовали особую группу. Возможно, это станет новой тенденцией образования новых сленговых единиц.

Таблица 2 — Структурная классификация английского молодежного сленга

Тип	Процент
Простые слова	36 %
Сокращения	35 %
Производные слова	19 %
Сложные слова	6 %
Выражения	2 %
Использование эмодзи	2 %

Так, самым частотным типом слов стали простые (корневые) слова — 36%. Примерами сленговых единиц, вошедших в данную группу, являются *man* ‘бойфренд’, *brain* ‘умный, интеллигентный человек’, *snack* ‘закуска’ — употребляется для описания безупречного внешнего вида человека и т. д.

Следующий частотный тип — это сокращения (35 %). Хочется отметить, что сокращения имеют практически равный процент, что и простые слова (35 % и 36 %). Примерами сокращений являются, например, *ТС* (от *tactical chunder*) — это ‘человек, который целенаправленно вызывает рвоту во время вечеринки, чтобы иметь возможность продолжать больше пить’; *for (fo) sho* или *4sho* (от *for sure*) ‘обязательно, конечно, точно’; *bestest* (от *best of the best*) ‘лучший из лучших’.

Третий по частотности тип — это производные слова (19 %), то есть это те слова, которые образованы с помощью аффиксального и безаффиксного словопроизводства. Данный тип имеет также достаточно высокий процент. Примерами являются: *situationship* ‘ситуативные отношения’ (сленг употребляется для описания временных сексуальных или романтических отношений), *rizzler* ‘парень, который успешно «подкатывает» к девушкам»; *to leg it* ‘делать ноги’.

Наименее частотным типом являются сложные слова — всего 6 %. Сложные слова представляют собой слова, состоящие из двух основ. Например, *babygirl* ‘малышка’ (это термин нежности поколения Z, который используется в позитивном значении, чтобы подчеркнуть все хорошие качества человека). Образован сложением основ *baby* ‘ребёнок’ и *girl* ‘девочка’; *roadman* ‘уличный парень’, который образован сложением основ *road* ‘дорога’ и *man* ‘человек, мужчина’.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что самым частотным структурным типом единиц английского молодежного сленга стали простые слова (36%), а наименее частотным — сложные слова (6 %).

Обратимся к семантической классификации английского молодежного сленга.

Основой для семантического анализа английского молодежного сленга является классификация, предложенная К. В. Зоркиной. Автор предлагает разделить отобранные сленговые единицы на крупные тематические блоки, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие тематические группы [Зоркина, 2020, с. 47]. В соответствии с этим наша классификация состоит из пяти крупных тематических блоков, три из которых включают в себя небольшие тематические группы (Таблица 3).

Таблица 3 — Семантическая классификация английского молодежного сленга

Название блока	Процент
Выражение эмоций	33%
Жизнедеятельность	32%
Характеристика человека	30%
Политика	3%
Covid-19	2%

1. Тематический блок «Выражение эмоций»

Данный тематический блок включает в себя 33 языковые единицы и тем самым составляет 33 % от общего числа анализируемого материала. Достаточно высокий процент демонстрирует довольно значительную степень употребления английского сленга молодыми людьми именно в контексте выражения своих эмоций. В теоретической части нашего исследования было отмечено, что для такого языкового явления, как сленг, характерна экспрессивность. Молодежь стремится максимально ярко выразить свое отношение, свои эмоции к чему-либо или кому-либо. Таким образом, возникает множество сленговых слов и выражений.

Блок «Выражение эмоций» состоит из четырех тематических групп: «Положительные эмоции», «Отрицательные эмоции», «Реакции», «Выражение удивления».

Тематическая группа «Положительные эмоции» содержит в себе 13 сленговых единиц и является самой большой в данном тематическом блоке. Интересно, что эта тематическая группа практически в два раза больше, чем группа «Отрицательные эмоции». В связи с этим можно сделать вывод, что молодые люди охотнее и чаще используют сленговые слова в ситуации, когда они рады, довольны и хотят поделиться своими ощущениями друг с другом. Так, примерами выражения положительных эмоций являются: *PROPS* от *proper respect* 'должное признание, уважение' или *ROFL* от *rolling on the floor laughing*, что означает 'кататься по полу от смеха'. В свою очередь примерами выражения отрицательных эмоций может служить самостоятельное употребление приставки *diss* в контексте выражения своего неуважения, пренебрежения или существительное *neck*, часто в выражении «*that's a neck*», которое используется, когда 'кто-то хочет указать на глупость комментария или действия'.

Тематическая группа «Реакции» включает в себя восемь сленговых слов, которые являются реакциями, краткими, но довольно употребительными вариантами ответов, которые дают молодые люди. Например, *for sho* от слова *sure* в значении ‘обязательно, конечно’, *true* — употребляется в значении ‘понятно’ и используется как способ показать, что общение является достаточно скучным и хочется быстрее его завершить. Еще одним интересным примером является *IYKYK* — *if you know you know* и переводится, как ‘если знаешь, то знаешь’. Употребляется в ситуации, когда не дано прямого объяснения чего-либо, но те люди, которое знают, о чем идет речь, все поймут и без объяснения. Анализируя данные примеры, можно предположить, что чаще всего они будут употребляться в переписке, так как они имеют краткую форму, но при этом из одного такого слова можно понять, что хотел выразить человек.

Самая маленькая тематическая группа — это «Выражение удивления». Данная группа насчитывает всего пять единиц сленга. Например, *BLI-MEY* является искаженным вариантом от «*Blind me!*» — дословно ‘Ослепи меня!’ и является восклицанием удивления или изумления. Еще один интересный пример — это *ZOMG*. Расшифровывается как уже знакомая фраза «*oh my God*», при этом вперед ставится буква Z, которая придает нотки «истеричности» для усиления эффекта удивления.

2. Тематический блок «Жизнедеятельность»

Данный тематический блок состоит из 32 сленговых единиц, что, соответственно, составляет 32 % от общего количества отобранных сленговых единиц. Блок «Жизнедеятельность» подразделяется на несколько тематических групп: «Действия», «Социальные сети», «Вечеринка», «Тренды» и «Учеба».

Итак, рассмотрим тематические группы данного блока подробнее.

Самая большая группа блока — это «Действия», которая включает 17 единиц сленга. В данную группу вошли примеры, которые описывают действия молодых людей. Например, словосочетание *spilling tea* имеет дословный перевод ‘пролитый чай’, но употребляется в значении ‘разбалтывать секреты, сплетничать’. Другой интересный пример — это *rent-free* или *rent-free living*. Происходит от английского слова *rent* ‘аренда’ и несет в себе значение ‘жить в голове кого-то, думать о ком-то постоянно’. Еще одним ярким примером является глагол *to binge-watch* и состоит из слов: ‘запой’ и ‘смотреть’ и употребляется в ситуации, когда ‘человек непрерывно смотрит многосерийные фильмы или передачи’.

Следующая по степени популярности группа данного тематического блока — это «Социальные сети». Группа включает в себя семь примеров английского молодежного сленга. Яркими примерами являются *finsta*, произошедшее от слова *fake* и названия социальной сети «*Instagram*» и обозначающее ‘ненастоящий профиль в инстаграме или другой социальной сети,

который используется для шпионажа за знакомыми или друзьями»; существительное *photobomb* используется для 'обозначения испорченной фотографии из-за человека или предмета, попавшего в кадр'. Следующий пример, который является достаточно популярным на данный момент, — это *avotoast*, что означает 'искусно поданный авокадо на тосте', который является любимым завтраком инстаграмеров.

Одинаковое количество примеров английского молодежного сленга имеют группы «Вечеринка» и «Тренды» — по три языковые единицы каждая. Необычными примерами, входящими в группу «Вечеринка», являются слово *turnt*, обозначающее 'находиться в прекрасном состоянии, которому способствует употребление алкогольных напитков, хорошая музыка и располагающая атмосфера', и аббревиатура *ТС*, которая расшифровывается как *tactical chunder* и описывает явление, когда 'человек целенаправленно вызывает рвоту во время вечеринки для того, чтобы была возможность пить после этого больше алкоголя'.

Ярким примером, вошедшим в тематическую группу «Тренды», является слово *Barbiecore*, которое обозначает 'модный тренд на розовый цвет', вдохновленный детской игрушкой, а теперь и фильмом, который стал очень популярным.

Самой малочисленной группой является «Учеба» — всего два примера сленга: *libes* — ласковое слово, используемое в отношении 'библиотеки' и сокращение *vac* 'отпуск', которое может относиться к любому периоду отпуска или каникул в университете.

Так, на основе анализа примеров сленга, входящих в блок «Жизнедеятельность», можно прийти к выводу, что молодых людей их общение между собой, в том числе в социальных сетях, следование трендам, волнует больше, чем учеба, так как к вышеперечисленным сферам жизни относится больше сленговых слов.

3. Тематический блок «Характеристика человека»

Третьим крупным блоком является «Характеристика человека». Данный блок состоит из 30 языковых единиц, что составляет 30 % от всех анализируемых примеров. Тематический блок также состоит из нескольких небольших тематических групп: «Отрицательная характеристика человека», «Положительная характеристика человека», «Описание мужчины», «Описание женщины» и «Внешний вид».

Рассмотрим самую крупную тематическую группу «Отрицательная характеристика человека». В нее вошло 13 примеров английского сленга. Наиболее яркими примерами являются: *goblin mode*, что означает 'режим гоблина' и описывает тип поведения, демонстрирующий 'потакание своим желаниям, лень, неряшливость и жадность', аббревиатура *BNOC* 'большое имя в кампусе'. Здесь подразумевается председатель какого-либо общества, вовлеченная в студенческую жизнь персона, но аббревиатура используется

чаще всего для насмешки над человеком за его заблуждения в своем величии. Еще один интересный пример — это словосочетание *beige flag*, которое указывает на то, что ‘потенциальный партнер скучен и ему не хватает оригинальности’.

Вторая по величине тематическая группа — это «Положительная характеристика человека», в которую вошло шесть примеров сленга, что почти в два раза меньше, чем в группе «Отрицательная характеристика человека». Рассмотрим примеры, включенные в данную группу. Существительное *babygirl* используется среди молодых людей как ‘термин нежности’. Хотя в нем есть отсылка к персоне женского пола, употребляется оно независимо от того, женщина это или мужчина. Скорее, это способ подчеркнуть приятные качества в человеке. Интересным примером является слово *rizz*, которое используется в значении ‘романтическая привлекательность или очарование’. Данный сленг появился после интервью актера Тома Холланда, в котором он употребил данное слово в значении своей привлекательности.

Третья тематическая группа «Описание мужчины» включает в себя шесть единиц сленга. В данной группе был зафиксирован пример синонимии. Так, для обозначения друга или «бро» (сокращение от слова брат, братан) использовались такие слова, как: *brood* от слова ‘кровь’ и сокращение *fat* от *family* ‘семья’.

Тематическая группа «Описание женщины» состоит всего из двух примеров сленга. Например, *preppy* используется для описания ‘девушки, которая придерживается студенческого стиля в одежде’ и *vanilla girl* используется для ‘описания девушки, которая носит одежду в пастельных тонах или в розовом цвете’.

Последняя группа в данном тематическом блоке — это «Внешний вид». В группу входит три слова, описывающих внешний вид человека. Например, существительное *snack* имеет прямой перевод ‘закуска’, но в качестве сленга будет иметь значение ‘человек, который прекрасно выглядит’. Другое слово — *drip* — употребляется в значении ‘мода, крутое поведение’. Еще одним примером служит существительное *hood* ‘капюшон’, которое используется для ‘описания человека, который носит худи — толстовку с капюшоном’.

Итак, проведенный анализ продемонстрировал, что большинство примеров сленговых единиц используется для отрицательной характеристики человека. Можно предположить, что это связано с тем, что молодым людям нравится обсуждать своих сверстников или абсолютно незнакомых людей, используя для этого язык, который будет понятен только им, то есть сленг.

Следующие три тематических блока являются довольно небольшими, поэтому в них не было выделено тематических групп.

4. Тематический блок «Политика»

В блок «Политика» вошло три примера сленговых слов. Это — *Brexit fatigue* ‘усталость от Брексита’. Сленг используется для описания страха, отрицания, недоверия к представителям власти. Сленговое слово *trumpism* используется в качестве ‘названия для политики, проводимой Дональдом Трампом’. Употребление этого сленга предполагает описание крайне правых, нарциссических политических взглядов. Последний пример, входящий в данный блок, — это *corbynista*. Сленгизм носит оскорбительный характер, а раньше ‘обозначал человека, который выступает за социалистические ценности’.

5. Тематический блок «COVID-19»

Анализируемый блок состоит из двух примеров сленга. Это: *spicy cough* что означает ‘острый кашель’ и *sus* — сокращение от *suspicious* в значении ‘подозрительный’.

Таким образом, проведя анализ современного английского молодежного сленга с семантической точки зрения, мы пришли к следующим выводам: самыми частотными тематическими группами являются «Выражение эмоций» и «Жизнедеятельность», а наименее частотными — «Политика» и «COVID-19».

Популярность первых блоков можно объяснить тем, что для молодых людей важны их личная жизнь, увлечения, друзья, переписки в социальных сетях, где они охотно выражают свои мнения и эмоции, поэтому в этих блоках представлено достаточно большое количество сленгизмов. Непопулярность последних блоков объясняется тем, что политическая жизнь волнует молодых людей не особенно сильно, так как политика кажется им довольно скучной, а их собственная жизнь намного интереснее и важнее. Что касается блока «Covid-19», то пандемия больше не является актуальной проблемой, соответственно, количество сленговых слов в этой теме также небольшое.

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что сленг является неотъемлемой частью жизни современной молодежи. Он постоянно развивается, дополняется новыми единицами, претерпевает какие-либо изменения.

В результате структурно-семантического анализа нами было установлено, что самой популярной сферой употребления сленга англоязычной молодежью является «Выражение эмоций», самым продуктивным способом пополнения словарного состава сленга — «Словообразование», а самым частотным структурным типом английских сленговых единиц являются простые слова.

Проведенное нами исследование вносит определенный вклад в изучение молодежного сленга, тенденций его формирования и употребления, что может иметь практическую значимость.

Список литературы

Гамов, А. Н. История происхождения термина «сленг» / А. Н. Гамов. — Текст : непосредственный // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2016. — № 10. — С. 62–66.

Гамов, А. Н. Термин «Сленг» как предмет этимологического исследования / А. Н. Гамов. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. — 2015. — № 1. — С. 118–122.

Деева, К. Е. Молодежный сленг в современном английском языке / К. Е. Деева, И. М. Павлов, Н. В. Тагиева. — Текст : непосредственный // Форум молодых ученых. — 2018. — № 18. — С. 379–381.

Захарченко, Т. Е. Английский и американский сленг / Т. Е. Захарченко. — Москва : АСТ, 2009. — 478 с. — Текст : непосредственный.

Зоркина, К. В. Лингвопрагматические характеристики молодежного сленга (на материале немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зоркина Ксения Вадимовна ; Волгоградский государственный университет. — Волгоград, 2020. — 213 с. — Текст : непосредственный.

Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики / А. Т. Липатов. — Москва : Элпис, 2010. — 318 с. — Текст : непосредственный.

Лобастова, И. С. Влияние интернет-сленга на речевую культуру подростков / И. С. Лобастова. — Текст : электронный // Инновационная наука. — 2020. — № 8. — С. 26–27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-slenga-na-rechevuyu-kulturu-podrostkov> (дата обращения: 10.03.2024).

Салиева, С. М. К вопросу о типах активного словообразования в современном английском языке / С. М. Салиева. — Текст : электронный // Наука и образование сегодня. — 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipah-aktivnogoslavoobrazovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 15.03.2024).

Снегирёв, Ф. В. К вопросу об определении понятия «сленг» / Ф. В. Снегирёв. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 9 (195). — С. 199–202.

Ступина, Е. С. Границы понятия «сленг» в науке / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Вестник удмуртского университета. — 2022. — № 5. — С. 1093–1096.

Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 29 с. — Текст : непосредственный.

Список источников

Cotterill T. NIs this Oxford's most Gen Z word of the year ever? 'Rizz' (which is internet slang for romantic appeal) is chosen by lexicographers - seeing off rivals to the top spot including 'de-influencing', 'beige flag' and 'Swiftie' / T. Cotterill. — Текст : электронный // Daily Mail. — 2023. — December. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12822613/rizz-oxford-word-year-2023-tom-holland.html> (дата обращения: 14.02.2024).

Dawjee H. M. Don't be basic: a guide to slaying slang when you're over 35 / Haji Mohamed Dawjee. — Текст : электронный // TimesLIVE. 2019. — 16 June. — URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/lifestyle/2019-06-16-dont-be-basic-a-guide-to-slaying-slang-when-youre-over-35/> (дата обращения: 18.02.2024).

Hawken, L. The slang you need to know to stay up-to-date as 'rizz' is chosen as word of the year — and the dated phrases making you sound old / L. Hawken, E. Anatarova. — Текст : электронный // Daily Mail. — 2023, December. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-12823057/slang-words-need-know-youth-old-school-say-anymore.html> (дата обращения: 14.02.2024).

Oh my days: linguists lament slang ban in London school. — Текст : электронный // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/education/2021/sep/30/oh-my-days-linguists-lament-slang-ban-in-london-school> (дата обращения: 18.02.2024).

Tariemi O. 20 Trending Gen Z Slangs And What They Mean / O. Tariemi. — Текст : электронный // The Guardian. — 2022. — 26 April. — URL: <https://guardian.ng/life/20-trending-gen-z-slangs-and-what-they-mean/> (дата обращения: 18.02.2024).

Получена: 15.07.2024

Принята: 13.09.2024

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF YOUTH ENGLISH SLANG

S. A. Nesterenko

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
sofya.nesterenko.00@inbox.ru

E. V. Yuzhaninova

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
elena-yuzh@yandex.ru

Annotation. This article deals with the structural and semantic characteristics of English youth slang. The material was 100 linguistic units of English youth slang, taken from English-language media, namely from The Guardian, Daily Mail, Times LIVE. The purpose of the study is to identify the structural and semantic features of English youth slang. The methods that were used in this study are: the continuous sampling method, the systematization method, the structural method, component analysis and comparative analysis. The scientific novelty lies in the multidimensional description of English youth slang, isolated from modern sources for the period from 2018 to 2023. Using the thematic classification, we found that the most frequent area of use of English youth slang was the block "Expression of emotions" – 33%. As for structural analysis, the most productive way to replenish the vocabulary of English youth slang was the method of "Word formation" – 60%, and the most frequent structural type of slang units were simple words – 36%.

Key words: slang; youth slang; English; word structure; semantics; English-language media.

References

Gamov, A. N. (2016). Istoriya proiskhozhdeniya termina «Sleng» [Origin history of the term «Slang»]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, 10, 62–66.

Gamov, A. N. (2015). Termin «Sleng» kak predmet etimologicheskogo issledovaniya [The term «Slang» as a subject of etymological research]. *Vestnik RUDN*, 1, 118–122.

Deeva, K. E., Pavlov I. M., & Tagieva N. V. (2018). Molodezhnyy sleng v sovremennom angliyskom yazyke [Youth slang in modern English]. *Forum molodykh uchenykh*, 18, 379–381.

Zakharchenko, T. E. (2009). *Angliyskiy i amerikanskiy sleng* [English and American slang]. Moscow: AST.

Zorkina, K. V. (2020). *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki molodezhnogo slenga (na materiale nemetskogo yazyka)* [Lingvopragmatic characteristics of youth slang (based on the German language)] [Candidate Dissertation, Volgograd State University].

Lipatov, A. T. (2010). *Sleng kak problema sotsiolektiki* [Slang as a problem of sociolectis]. Moscow: Elpis.

Lobastova, I. S. (2020). *Vliyanie internet-slenga na rechevuyu kul'turu podrostkov* [The influence of Internet-slang on the teenager speech culture]. *Innovatsionnaya nauka*, 8, 26–27. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-slenga-na-rechevuyu-kulturu-podrostkov>

Salieva, S. M. (2019). *K voprosu o tipakh aktivnogo slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke* [To the question of active word formation types in English]. *Nauka i obrazovanie segodnya*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipah-aktivnogoslvoobrazovaniya-v-sovremen-nom-angliyskom-yazyke/viewer>

Snegirev, F. V. (2018). K voprosu ob opredelenii ponyatiya «sleng» [To the question of slang definition]. *Molodoy uchenyy*, 9 (195), 199–202.

Stupina, E. S. (2022). Granitsy ponyatiya «sleng» v nauke [The limits of the slang concept in science]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 5, 1093–1096.

Khomyakov, V. A. (2009). *Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya* [The introduction to the study of slang as a main part of English common language]. Moscow: LIBROKOM.

Submitted: 15.07.2024

Accepted: 13.09.2024

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЖИЗНЬ – ЭТО АРТЕФАКТ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЭСТРАДНЫХ ПЕСНЯХ

Е. П. Парнелл

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ktrnlss0@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности концептуализации концепта VIE с помощью метафор из сферы-источника «Артефакты» в популярных франкоязычных песнях. Методология исследования построена на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы, теории концептуальной метафоры, теории метафорического моделирования. Используемые методы: метод контекстуального анализа, дискурс-анализ, метафорическое моделирование, описание, обобщение и классификация. Как показал анализ, во французском песенном дискурсе активно используются метафоры со сферой-источником «Артефакты». При этом наиболее востребованы фреймы «Строение», «Предметы искусства» и «Материальные предметы». Метафоры строения осмысляют жизнь как здание, которое можно воздвигнуть и разрушить, у зданий есть стены и двери, в которые можно войти и выйти. Фрейм «Предметы искусства» позволяет концептуализировать жизнь как результаты письменного (тексты, книги, романы) и музыкального (песни, мелодии) творчества. К этому же фрейму относится осмысление жизни как кинофильма, сюжет которого символизирует события жизни. Третий фрейм актуализируется для осмысления жизни как некоего предмета, обладающего или не обладающего материальной ценностью. Этот фрейм позволяет распределить образы осмысления жизни по аксиологической шкале от высокоценных объектов (дары) до бесценных (мусор).

Ключевые слова: метафора; французский язык; песенный дискурс; когнитивная метафора; картина мира; поп-культура; артефактные метафоры

1. Введение

В современном обществе музыкальная культура становится одним из факторов формирования мировоззренческих установок. Музыка влияет на эмоциональное состояние и восприятие людей, их мышление и поведение, а с помощью музыкальных текстов артисты могут передавать свои идеи, взгляды на мир, а также рассказывать о важных социокультурных темах. Музыка становится не просто развлечением, а мощным инструментом культурной коммуникации, способствующим формированию коллективных ценностей и восприятия мира.

Большую роль в этом играют фигуры речи, например, метафора, которая используется не только для украшения речи, но и для передачи сложных концепций через образы и символы. Особенно часто метафоры используют в музыкальных текстах, поскольку яркие и запоминающиеся образы помогают аудитории легче воспринимать абстрактные и комплексные понятия и эмоционально откликаться на музыку.

В современной лингвистике много внимания уделяется метафорам в экономическом [Бородулина, Макеева, 2014; Попова, Клименко, 2017; Сабирова, 2017], педагогическом [Будаев, Чудинов, Цыганкова, 2017; Пустовалова, 2016], политическом [Балашова, 2014; Богданович, Неелова, Сегал, 2019; Будаев, Чудинов, 2006; Каган, 2023; Ли, Солопова, 2021] дискурсах, в то время как исследования метафор в современном песенном дискурсе носят единичный характер [Рахманова, 2021], несмотря на несомненную важность массовой культуры в формировании общественного сознания.

Настоящее исследование посвящено анализу метафорического представления концепта VIE в современном песенном дискурсе на материале артефактных французских метафор, что является актуальной задачей, поскольку песни отражают культурные особенности и ценности общества, предоставляя информацию о понимании феномена жизни и ее смысла в песенном дискурсе.

2. Материал и методика исследования

Материалом для настоящего исследования послужили 100 метафорических контекстов из франкоязычных песен XXI века, восходящих к сферистичному «Артефакты».

Методология исследования построена на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова), теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории метафорического моделирования (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев). Используемые методы: метод контекстуального анализа, дискурс-анализ, метафорическое моделирование, описание, обобщение и классификация.

В аксиологическом аспекте когнитивно-дискурсивные исследования метафоры разделяются на критические и дескриптивные [Будаев, 2019]. Критические исследования метафоры строятся на основе методологии критического дискурс-анализа, который подходит к метафоре как к средству, которое использует власть для осуществления политического и идеологического доминирования. Основная задача такого исследования заключается в анализе использования и толкования метафорических моделей с учетом их потенциального воздействия на коллективное сознание посредством интеграции в дискурс. Такой подход ставит перед собой задачу не только выявить наличие метафорических образов в тексте, но и исследовать, как эти образы влияют на формирование мнений, восприятие и понимание социокультурных явлений и угнетение социокультурных групп. Слово «критический» подразумевает, что ученый должен выявить механизмы языкового угнетения и обрушиться на них с критикой, попутно предлагая альтернативные «неугнетающие» дискурсивные средства.

Дескриптивные исследования метафоры в рамках определенного дискурса фокусируются на представлении метафорических структур и систем метафорических образований. В таком контексте интерпретация этих моделей обычно не рассматривается, а описательный подход направлен лишь на

анализ лингвистических характеристик метафор и их структуры, Другими словами, «при дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки» [Будаев, 2011, с. 106].

Дескриптивный подход, помимо анализа систем метафорических моделей, направлен на дополнительное углубление понимания роли метафоры в дискурсе и национально-культурном языковом сознании. Подобные исследования нацелены на выявление метафорических вариаций как внутрикультурных, так и межкультурных. Например, З. Ковечеш провел детальное исследование возможных вариаций метафоры, разделяя их на «интракультурные» и «интеркультурные». Автор утверждает, что метафора характеризуется как универсальным явлением, так и способностью к изменению. При этом вариация метафор происходит исключительно в рамках дискурса, в то время как универсальность проявляется на когнитивном уровне [Kövecses, 2005]. Наше исследование основывается на дескриптивном подходе.

Также важно подчеркнуть, что исследование метафоричности дискурса прежде всего основано на анализе не отдельных метафор, а системы метафорических моделей, с целью изучения метафоричности как специфической черты дискурса.

3. Метафорическая модель и ее структура

В данном параграфе мы дадим определение метафорической модели, выделим ее компоненты, установим принципы классификации рассматриваемых моделей, выделим классификацию основных разрядов когнитивной метафоры.

Согласно А. П. Чудинову, метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y, например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА [Чудинов, 2013, с. 27].

Необходимо сделать уточнение, что данные объекты X и Y не отождествляются напрямую, а лишь уподобляются. Таким образом, система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита) [Цыбина, 2012, с. 216]. При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В определении метафорической модели мы будем опираться на дефиницию, предположенную в монографии А. П. Чудинова «Очерки по современной политической метафорологии» [2013]. Охарактеризуем признаки метафорической модели:

1) *Сфера-источник*, то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. В некоторых случаях можно указать не только исходную понятийную область, но и ее компоненты, которые служат источником метафорического расширения.

2) *Сфера-мишень*, то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. Часто можно выделить не только основную понятийную область, но и ее конкретные компоненты, притягивающие соответствующие метафоры.

3) Относящиеся к данной модели *фреймы*, фрагменты базового языка мышления, структурирующие исходную концепцию (сферу-источник), а также используемые для альтернативной категоризации целевой сферы (сферы-мишени) в метафорическом контексте. Фреймы организуют знания о типичных ситуациях и стереотипах, формируя когнитивные сценарии разрывания модели.

По определению В. З. Демьянкова, фрейм является набором сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия). Фрейм – структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 188]. Понятию фрейм тождественно понятие ассоциативные связи, однако, в отличие от ассоциаций, фрейм содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Особенно интересно, что для описания модели в равной степени важен состав фреймов как в сфере-источнике, так и в сфере-мишени.

4) Составляющий каждый фрейм *типовые слоты*, которые представляют собой элементы ситуации и конкретизируют аспекты фрейма. Термин «концепт» используется для описания этих составляющих слотов, которые чаще всего выражаются словами естественного языка. Концепт отражает представления человека о смыслах и оперирует содержанием опыта, знаний и результатов деятельности. Он представляет собой единицу сознания, связанную с другими концептами в концептуальной системе, образуя концептуальную сферу.

При характеристике составляющих слота мы употребляем термин «концепт», служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 90].

Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «...о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов

знания» [Там же]. Главным свойством концептов «нередко считается их не-изолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [Чудинов, 2013, с. 29].

5) *Компонент*, связывающий сферу-источник и сферу-магнит. Чтобы определить компонент, необходимо выявить признаки, которые позволяют установить аналогии между указанными сферами, а также объяснить, почему они могут ассоциироваться и как понятийная структура сферы-источника подходит для описания элементов в сфере-магните.

6) *Дискурсивная характеристика модели*, которая охватывает типичные концептуальные направления, связанные с соответствующими метафорами, определяющими эмоциональные характеристики, прагматический потенциал модели и т. д.

7) *Продуктивность модели*, которая относится к ее способности развиваться и типичным направлениям этого развития в тексте и дискурсе. При анализе можно также оценить частотность использования соответствующих метафор модели, сопоставив эту частотность с учетом стилистических, жанровых и других характеристик текста [Чудинов, 2013, с. 28–30].

А. П. Чудинов [2003] предложил следующую классификацию основных разрядов метафоры:

1) *Антропоморфная метафора*. Человек стремится моделировать реальность, опираясь на свое восприятие и опыт. Это позволяет метафорически представлять сложные и абстрактные политические понятия в виде простых и хорошо знакомых явлений. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и т. п.;

2) *Природоморфная метафора*. Издавна живая и неживая природа служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет реальность, создавая таким образом языковую картину мира. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы», то есть реальность осознается в концептах мира окружающей человека природы;

3) *Социоморфная метафора*. Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Поэтому окружающая реальность постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека [Соловьева, 2013, с. 178]. Так, рассматриваемый разряд метафор может включать такие понятийные сферы-источники, как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра»;

4) *Артефактная метафора*. Человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, а значит, неизбежно метафорическое моделирование по аналогии с артефактами, используя различные компоненты, например, «Механизм», «Дом (здание)» и др.

Подводя итоги, можно сказать, что метафорическая модель имеет множество составляющих элементов, образующих связи между понятийными сферами человека и охватывающих различные концепты человеческого восприятия.

Настоящее исследование посвящено анализу артефактных метафор.

4. Артефактные метафоры в дискурсе французских песен

Рассмотрим фреймо-словотворческую структуру артефактной сферы метафорической экспансии в дискурсе французских эстрадных песен.

Фрейм «Строение».

Слот «Стены и двери»

В песенном дискурсе жизнь может концептуализироваться как строение, в котором есть стены и двери. Вход в здание может служить метафорой входа в новые возможности или этапы жизни, выход из строения – завершением жизни, а стены могут представлять ограничения, с которыми человек сталкивается на своем пути. Ср.:

Je suis aux portes de ma vie (Alizée. L'alizé).

Nos cris font tomber

Les murs d'une vie qu'on se plaît à pousser (Cœur de pirate. Prémonition).

Bientôt j'ai quitter cette vie (MRC. La vie de bandit).

Слот «Строительство и разрушение»

Подобно тому как здание можно построить и разрушить, так и принятие решений и активная позиция в жизни или «жизненный крах» осмысливаются в образах рассматриваемого слота. Ср.:

Bâties ma vie, construis dans l'vide (Maître Gims. Zombie).

Mama, mama, j'construire ma vie mais rester la même quand même (Imen Es. Mama).

T'as détruit ma vie

Détruit ma vie

Ma vie (Dadju. Ma vie).

Фрейм «Предметы искусства»

Письменное творчество, музыка или фильмы представляют различные виды искусства, которые влияют на наши чувства, вдохновляют на новые идеи и помогают нам понять мир вокруг нас. Концепты этого фрейма активно используются для описания жизни.

Слот «Текст»

Метафоры данного фрейма сравнивают жизнь с литературным произведением. Это может быть просто книга либо роман, которые при написа-

нии постоянно развиваются и наполняются содержанием. Жизнь наполняется событиями, персонажами и эмоциями, подобно книге, наполняемой словами. Ср.:

Ma vie est un livre

qui s'écrit chaque jour (Léa Castel. Pressée de vivre).

Ma vie à moi

C'est ...Un roman qu'il faudra écrire (Ginette Reno. La vie).

В следующих метафорах подчеркивается идея того, что каждый человек является частью большого текста, где каждое событие, встреча и решение составляют слова и фразы этого текста. Мы влияем на сюжет своей жизни, а ее история формируется из того, как мы интерпретируем и осмысливаем различные события. Жизнь развивается быстро и активно, словно страницы книги, которые пишутся с высокой скоростью. Ср.:

La vie ça s'écrit (La Tordue. La vie c'est dingue).

Ma vie s'écrit à toute vitesse (Léa Castel. Pressée de vivre).

Слот «Музыка»

Музыка является универсальным языком, способным выразить самые глубокие чувства и переживания. Именно поэтому музыкальный опыт помогает передать описание различных сфер жизни и эмоций авторов. Такие физиологические характеристики человека как умение слушать и петь играют в жизни людей большую роль, поскольку связывают с музыкой и позволяют насладиться этим видом искусства, что служит основанием для метафорического переноса. Ср.:

Pouvoir encore écouter

Et surtout pouvoir chanter

Que c'est beau, c'est beau la vie (Potiche. C'est beau la vie).

У песни есть мелодия, которая в дискурсе символизирует определенный ритм и гармонию жизни. Ср.:

Ma vie est musique

Chaque pensée m'inspire des notes (Tsew The Kid. AYNА (le sablier)).

Mélodie de vie (mélodie de vie) (Alizée. I'm not twenty).

Сравнение жизни с повседневной песней, может подчеркивать непрерывную серию событий, которые, как части композиции, создают единую гармонию, составляющую наше существование. Ср.:

La vie...

C'est la chanson du quotidien (Ginette Reno. La vie).

Однако звучание может оказаться фальшивым, казаться неискренней, неправильной:

Ou ta vie sonne un peu faux (Tal. Rien n'est parfait).

Среди музыкальных инструментов, которые используются для того, чтобы создавать собственные песни, самым частотным является гитара. Гитара является символом творческой свободы, глубокого влияния музыки на нашу жизнь. Ср.:

Une guitare pour chanter jusqu'au matin

...Oui c'est ça la vie ! (Louis Doré. C'est ça la vie).

Жизнь может ассоциироваться с определенным стилем музыки, например, рэпом, энергичным, дерзким и полным эмоций. Ср.:

La vie qu'j'ai : le rap, la famille, la rue (Zesau. Ma vie).

Канцонетта – это лирическое музыкальное произведение, часто исполненное в стиле романса. Когда жизнь называют канцонеттой, это может означать, что жизнь полна эмоций, как радостных, так и грустных, и подобно музыкальной композиции, в ней присутствует какой-то ритм и гармония, несмотря на разнообразие переживаний:

La vie est une canzonetta

On pleure, on rit (Frédéric François. La vie est une canzonetta).

Слот «Фильм»

Фильм может служить метафорой для жизни, поскольку, как и в жизни, в нем присутствуют элементы сюжета, развития персонажей и повороты событий, которые могут отражать различные аспекты жизненного опыта. Так, сравнивая свою жизнь с фильмом, человек может представлять свою жизнь как интересное, наполненное эмоциями произведение искусства, подобное фильму. Ср.:

La vie c'est un film (Enima. Président).

Si moche soit la vie c'est du beau cinéma (Michel Delpech. La vie la vie).

Как сценарист создает сюжет для фильма, так и человек принимает активное участие в создании своей собственной жизненной истории. Ср.:

La vie c'est du cinéma

Chacun écrit son scénario (Sylvie Vartan. La vie c'est du cinéma).

В фильмах актеры играют определенную роль или персонажа. Однако автор, говоря о себе как о человеке слишком «правдивом», чтобы играть роль, указывает на свою склонность к искренности и открытости в жизни, склонность к прямому и истинному поведению, вместо подготовленной игры. Ср.:

La vie, c'est un film mais j'suis trop vrai pour être acteur, j'leur laisse volontiers l' rôle (Nahir. Joga Bonito).

Метафора может означать, что человек рассматривает или воспринимает свою жизнь как фильм или шоу, которое проходит перед его глазами, подобно тому, как можно смотреть на что-то на экране телевизора. Возможно, это имеет связь с дистанцированием и отчуждением от реальности, а также на восприятии жизни как чего-то искусственного или изолированного от реальных событий. Ср.:

Regarde la vie en écran plasma (Zesau. Ma vie).

Фрейм «Предметы»

Слот «Подарок»

Подарки могут быть символом внимания, любви или уважения. Метафорическое представление жизни в качестве подарка может указывать на

то, что каждый день и каждый момент в жизни человека является уникальным и ценным даром. Ср.:

La vie est un cadeau qu'on ne méritait pas (Seyté. Pauvre monde).

On n'a qu'une vie oh, oh oui c'est un cadeau (Matt Houston. La vie est belle).

Слот «Ценности»

В данный слот включены предметы или объекты, которые имеют высокую материальную или духовную ценность для человека. Так, артефакт можно ценить, дорожить им и наслаждаться. Данные метафоры показывают, что жизнь сама по себе является ценностью, которая должна быть бережно сохранена. Ср.:

J'apprécie l'instant de vie maintenant, maintenant, maintenant (Tal. Juste un rêve).

Et je tiens bien trop à la vie

Pour que ce puisse être permis (Clara Luciani. Ma sœur).

Слот «Украшение».

Это предметы, которые улучшают внешний вид или придают красоту. Автор метафоры ниже называет жизнь носимым украшением, однако придает негативное значение: без конкретного человека его жизнь теряет смысл и становится пустой, подобно бессмысленному украшению, лишённому ценности. Ср.:

J'ai beau trimer, sans toi ma vie

N'est qu'un décor qui brille, vide de sens (Indila. Dernière danse).

Слот «Мусор»

К этому слоту относятся предметы или отходы, которые не имеют ценности или являются вредными для окружающей среды. Возможно, авторы данных метафор испытывали разочарование или усталость от жизненных обстоятельств, ощущали, что их жизнь наполнена негативными или бесполезными вещами, аналогично мусору, который нужно выбросить. Ср.:

Comme si je dirais ma vie dans les bacs (Shy'm. La go).

La vie est une ordure qu'on va baiser encore et c'est évident (Enima. Éclipse).

J'm'en bats les couilles j'ai une vie d'ordure ! (Rimcash. Vie d'ordure).

Слот «Могила»

Могила является символом потери, горя и печали, связанным со смертью. Могила могут вызывать негативные эмоции и ассоциироваться с трауром и скорбью. Автор метафоры ниже сравнивает любовь с борьбой, а жизнь – с могилой. Это может отражать чувство отчаяния по отношению к любви и жизни в целом, подчеркивая их как неприятное испытание:

Croire que l'amour n'est qu'une lutte

Et que la vie lui sert de tombe (Patrick Fiori. Perdu connaissance).

6. Заключение

Как показал анализ, во французском песенном дискурсе активно используются метафоры со сферой-источником «Артефакты». При этом

наиболее востребованы фреймы «Строение», «Предметы искусства» и «Материальные предметы». Метафоры строения осмысляют жизнь как здание, которое можно воздвигнуть и разрушить, у зданий есть стены и двери, в которые можно войти и выйти. Фрейм «Предметы искусства» позволяет концептуализировать жизнь как результаты письменного (тексты, книги, романы) и музыкального (песни, мелодии) творчества. К этому же фрейму относится осмысление жизни как кинофильма, сюжет которого символизирует события жизни. Третий фрейм актуализируется для осмысления жизни как некого предмета, обладающего или не обладающего материальной ценностью. Этот фрейм позволяет распределить образы осмысления жизни по аксиологической шкале от высокоценных объектов (дары) до бесценных (мусор).

К перспективам дальнейшего исследования относится изучение артефактных метафор в сопоставительном аспекте. Не исключено, что артефактные метафоры как способ осмысления жизни различаются от культуры к культуре, поэтому изыскания в этом направлении позволят выявить лингвокультурные особенности концептуализации базовых концептов в различных песенных дискурсах.

Список литературы

Балашова, Л. В. Реализация концептов «Свой – Чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. / Л. В. Балашова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 40–50.

Богданович, Г. Ю. Метафора как средство декодирования общественно-политических реалий / Г. Ю. Богданович, О. И. Неелова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 96–100.

Бородулина, Н. Ю. Метафоры в языке экономики / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2014. Т. 20. № 2. С. 372–380.

Будаев, Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 17. – С. 35–77.

Будаев, Э. В. Критический дискурс-анализ СМИ: основные направления исследований в зарубежной лингвистике / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Современный дискурс-анализ. – 2019. – № 1 (22). – С. 7–12.

Будаев, Э. В. Педагогическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, А. В. Цыганкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2017. – № 4 (50). – С. 60–65.

Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПИ, 2011. – 360 с. – Текст : непосредственный.

Каган, Е. Б. Метафорические заголовки из сферы-источника "Организм" в российских и англоязычных печатных СМИ / Е. Б. Каган. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2023. – № 1. – С. 50–64.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Издательство Московского университета, 1996 – 245 с. – Текст : непосредственный.

Ли, М. Китай как сфера-мишень метафорической экспансии в современном китайском политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 1. – С. 21–34.

Попова, Г. В. Библиейские метафоры в экономике (на материале современных публицистических текстов) / Г. В. Попова, А. Н. Клименко. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. № 2 (23). – С. 52–61.

Пустовалова, В. В. Метафора в педагогике. – Москва : Образование и экология, 2016. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Рахманова, Д. Т. Метафорическая концептуализация любви в современных англоязычных песнях / Д. Т. Рахманова. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 2. С. 89–107.

Сабирова, С. Г. Концептуальная метафора "Time" в реалиях мира экономики. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 765-767.

Соловьева, А. С. Вербальная реализация социоморфной метафоры со сферой-мишенью «ЕВРОСОЮЗ» в британских СМИ / А. С. Соловьева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. – С. 177–179.

Цыбина, Ю. Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе / Ю. Ю. Цыбина. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 1 (21). – С. 213–220.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 176 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1 (4). – С. 8–27.

Kövecses, Z. Metaphor in culture: Universality and variation / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – Текст : непосредственный. – 314 p.

Получена: 25.07.2024

Принята: 15.08.2024

METAPHORICAL MODEL "LIFE IS AN ARTIFACT" IN FRENCH POP SONGS

E. P. Parnell

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
ktrnlss0@gmail.ru

Abstract. The article deals with the features of conceptualization of the concept VIE using metaphors from the source domain "Artifacts" in popular French-language songs. The research methodology is based on the postulates of the cognitive-discursive paradigm, the theory of conceptual metaphor, the theory of metaphorical modeling. The following methods were used: the method of contextual analysis, discourse analysis, metaphorical modeling, description, generalization and classification. As the analysis showed, metaphors from the source domain "Artifacts" are actively used in the French song discourse. At the same time, the most popular frames are "Building", "Objects of art" and "Material objects". Metaphors of building comprehend life as a house that can be erected and destroyed, buildings have walls and doors that can be entered and exited. The frame "Art objects" allows us to conceptualize life as the results of written (texts, books, novels) and musical (songs, melodies) creativity. This frame also includes the understanding of life as a film, the plot of which symbolizes the events of life. The third frame is actualized for the understanding of life as a certain object, possessing or not possessing material value. This frame allows us to distribute the images of understanding life along an axiological scale from highly valuable objects (gifts) to priceless ones (garbage).

Keywords: metaphor; French language; song discourse; cognitive metaphor; worldview; pop culture; artifact metaphors

References

Balashova, L. V. (2014). Realizacija konceptov «Svoj – Chuzhoj» v rossijskom politicheskom diskurse nachala XXI v. [Implementation of the Concepts of "Friend - Foe" in the Russian Political Discourse of the Early 21st Century]. *Political Linguistics*, 1 (47), 40–50.

Bogdanovich, G. Yu., Neyolova, O. I., & Segal N. A. (2019). Metafora kak sredstvo dekodirovaniya obshhestvenno-politicheskikh realij [Metaphor as a Means of Decoding Socio-Political Realities]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 96-100.

Borodulina, N. Yu., & Makeeva, M. N. (2014). Metafory v jazyke ekonomiki [Metaphors in the Language of Economics]. *Bulletin of the Tambov State Technical University*, 20(2), 372-380.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2006). Kriticheskij diskurs-analiz SMI: osnovnye napravlenija issledovanij v zarubezhnoj lingvistike [Conceptual Metaphor in Political Discourse: American, European and Russian Research Trends]. *Political Linguistics*, 17, 35-77.

Budaev, E. V. (2019). [Critical Discourse Analysis of the Media: Main Research Trends in Foreign Linguistics]. *Modern Discourse Analysis*, 1 (22), 7-12.

Budaev, E. V., Chudinov, A. P., & Tsygankova, A. V. (2017). Pedagogicheskaja metaforologija [Pedagogical Metaphorology]. *Philological Class*, 4 (50), 60-65.

Budaev, E. V. (2011). Sopostavitelnaja politicheskaja metaforologija [Comparative Political Metaphorology]. Nizhny Tagil: NTGSPI.

Kagan, E. B. (2023). Metaforicheskie zagolovki iz sfery-istochnika "Organizm" v rossijskikh i anglojazychnyh pechatnyh SMI [Metaphorical Headlines from the Source Sphere "Organism" in Russian and English-Language Print Media]. *Scientific Notes of NTGSPI. Series: History and Philology*, 1, 50-64.

Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., & Luzina, L. G. (1996). Kratkij slovar kognitivnyh terminov [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Moscow University Publishing House.

Li, M., & Solopova, O. A. (2021). Kitaj kak sfera-mishen' metaforicheskoy jekspansii v sovremen-nom kitajskom politicheskom diskurse [China as a Target Domain of Metaphorical Expansion in Modern Chinese Political Discourse]. *Scientific Notes of NTGSPI. Series: History and Philology*, 1, 21-34.

Popova, G. V., & Klimenko A. N. (2017). Biblejskie metafory v ekonomike (na materiale sovremennyh publicisticheskikh tekstov) [Biblical Metaphors in Economics (Based on Modern Publicistic Texts)]. *Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 7(2), 52-61.

Pustovalova, V. V. (2016). *Metafora v pedagogike* [Metaphor in Pedagogy]. Moscow: Education and Ecology.

Rakhmanova, D. T. (2021). Metaforicheskaja konceptualizacija ljubvi v sovremen-nyh anglojazychnyh pesnjah [Metaphorical Conceptualization of Love in Modern English-Language Songs]. *Scientific notes of NTGSPI. Series: History and philology*, 2, 89-107.

Sabirova, S. G. (2017). Konceptualnaja metafora "Time" v realijah mira ekonomiki. [Conceptual metaphor "Time" in the realities of the world of economics]. *Cognitive studies of language*, 30, 765-767.

Solovieva, A. S. (2013). Verbalnaja realizacija sociomorfnoj metafory so sferoj-mishen'ju «EVROSOJuZ» v britanskikh SMI [Verbal implementation of the sociomorphic metaphor with the target sphere "EUROPEAN UNION" in the British media]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 4 (22), 177-179.

Tsybina, Yu. Yu. (2012). Lingvisticheskaja sushhnost' metaforicheskikh modelej v pedagogicheskom diskurse [Linguistic essence of metaphorical models in pedagogical discourse]. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 1 (21), 213–220.

Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A. P., & Budaev, E. V. (2007). Stanovlenie i evoljucija kognitivnogo podhoda k metafore [Formation and evolution of the cognitive approach to metaphor]. *New Philological Bulletin*, 1 (4), 8-27.

Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: Universality and variation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Submitted: 25.07.2024

Accepted: 15.08.2024

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовков», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Сукошников, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Saga о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серно, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серно. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перезагрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода

сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

- Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.
- Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.
- Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhekulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.